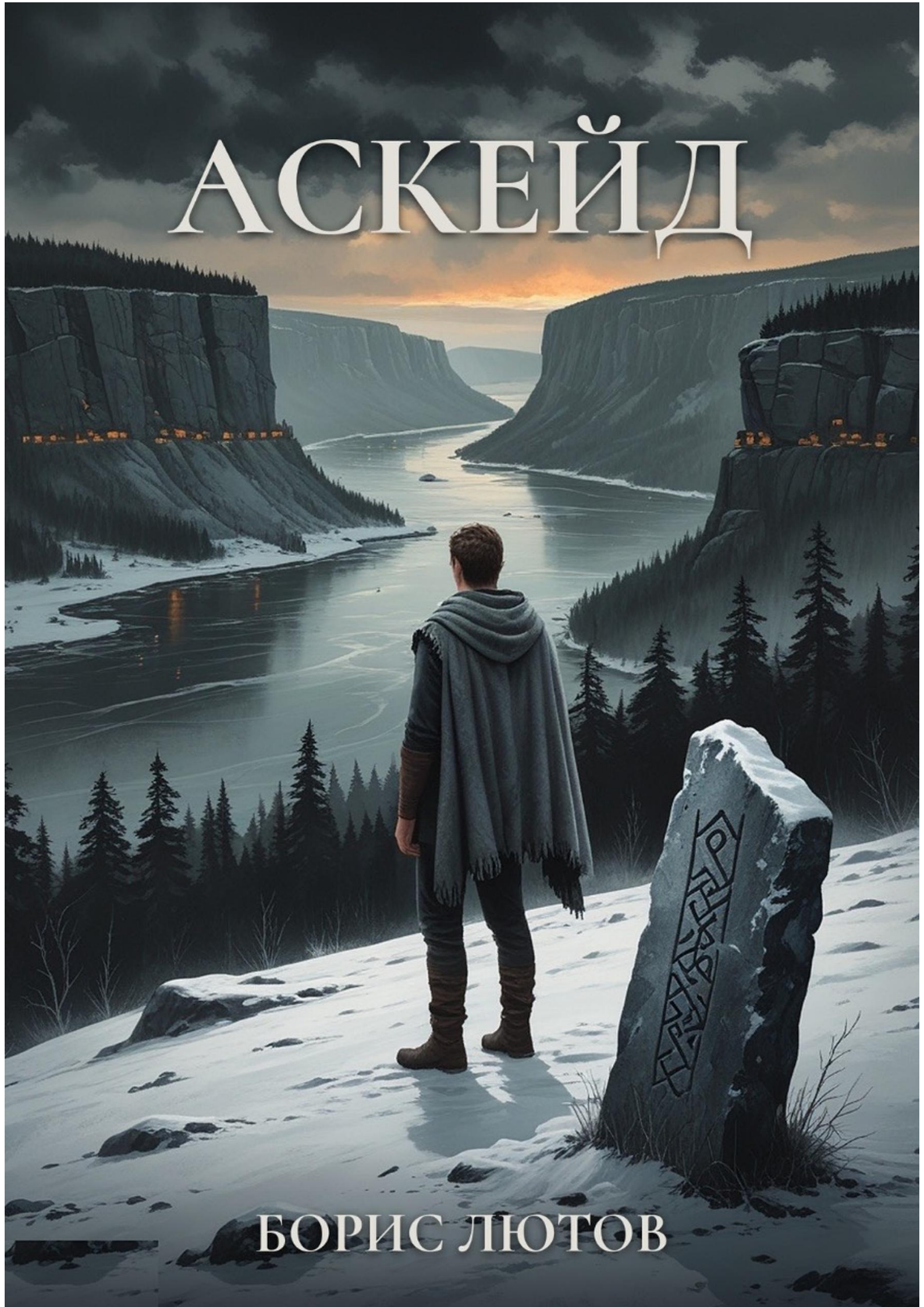

АСКЕЙД

БОРИС ЛЮТОВ

Борис Лютов

Аскейд

«Автор»

2026

Лютов Б.

Аскейд / Б. Лютов — «Автор», 2026

Восемнадцатилетний Сергей Погорелов летел из Риги в Прагу. Приземлился в другом мире — холодном, чужом, живущем по своим законам. Здесь руны — ремесло с ценой, не красивые символы. А из Ватикана, наш мир, тихо работает человек, который методично разрушает всё, на чём этот мир стоит. Сергей принимает новый мир и становится там своим. Первая книга цикла.

© Лютов Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Борис Лютов

Аскейд

ИЗ «ХРОНИКИ ПЕРВОГО ПЕРЕХОДА» составлено эрилем Торгримом Длиннобородым в год двести семнадцатый от Прихода

В те годы, когда белые храмы новой веры вставали на месте рощ, когда жрецов убивали или изгоняли, когда имена асов запрещали произносить вслух — Один Всеотец пришёл в Мидгард.

Он пришёл за теми, кто помнил. Воины, эрили, скальды, кузнецы, кормчие, знахарки — те, кого Старая вера ещё держала, и кто держал её сам. В ночь зимнего солнцестояния Один открыл переход. Не в одном месте — сразу в нескольких: в фьордах Норвегии, на берегах Исландии, в лесах, что тогда ещё звались Гардарикой. Те, кого он позвал, вошли. Мир за их спинами закрылся.

Так делают боги. Один раз. Без остатка.

Новая земля встретила нас пустой и холодной. Первые годы были жёсткими — как и должны быть первые годы. Но эрили обнаружили здесь то, чего не было дома: руны звучат иначе. Полнее. Как голос в каменном зале звучит иначе, чем в поле.

За сто лет был занят весь континент. Народы, что жили здесь до Прихода, влились или ушли на юг. Те, кто ушёл, основали свои государства. Сильные. Они помнят старые обиды, хотя время многое стирает.

Двести семнадцать лет прошло с той ночи. Те, кто вошёл в переход взрослыми, давно лежат в земле. Внуки их внуков пахут эту землю и считают её своей — потому что она и есть своя. Старая вера здесь не прячется по рощам. Она открыта, как воздух.

Я пишу эту хронику для тех, кто будет после нас. Чтобы помнили, откуда пришли. Чтобы знали — была другая земля, и мы её потеряли, и хорошо, что потеряли. Здесь мы дома.

Боги привели нас и оставили жить.

Написано в Хравнборге, в год двести семнадцатый от Прихода, эрилем Торгримом, служащим конунгу Сигурду Сильному

* * *

Глава 1

Сергею Погорелову исполнилось восемнадцать лет двадцать третьего марта, и единственное, что он сделал в этот день — прошёл наконец финальный рейд в «Хрониках Бездны», который откладывал три месяца.

Мама испекла торт. Он съел два куска, не отрываясь от экрана. Мама посмотрела на него, вздохнула, убрала торт в холодильник и пошла спать.

Утром она ушла на работу, не разбудив его — он проснулся в час дня, нашёл в холодильнике записку «поешь нормально» и кусок торта в контейнере, — и внутри отозвалось что-то тупое, привычное: не вина, не стыд, что-то между.

Он не был плохим человеком. Он это точно знал. Он много думал — о смысле жизни, о несправедливости мира, о том, что настоящее искусство недооценено. Мог говорить об этом часами. Друзья слушали первые двадцать минут, потом начинали смотреть в телефон.

Между «хотел» и «делал» лежала огромная мягкая пропасть, в которую он каждый день аккуратно укладывался.

Зато в играх он был хорош. По-настоящему хорош. Не просто нажимал кнопки — читал мир. Замечал детали, которые другие пропускали. Понимал логику систем, чувствовал, когда что-то в механике не так.

Денис — лучший друг, уехавший год назад учиться в Прагу — написал в апреле: «Хватит сидеть. Приезжай. У меня диван, покажу город. Билеты дешёвые.»

Сергей думал две недели. Купил билет. Ещё неделю думал — не зря ли. Решил, что не зря. Собрал рюкзак за полчаса, сказал маме, что едет, выслушал лекцию про осторожность и деньги, обнял её крепче, чем обычно, сам не зная почему, и поехал в аэропорт.

Рейс Рига — Прага. Четыре часа. Ничего особенного.

* * *

Турбулентность началась над горами.

Сначала обычная — самолёт тряхнуло, зажглись табло, стюардессы сели и пристегнулись. Сергей оторвался от телефона, посмотрел в иллюминатор. Облака внизу, серые, плотные. Нормально.

Потом стало ненормально.

Тряхнуло сильнее — так, что у кого-то впереди упал стакан и покатился по проходу. Потом ещё раз. Потом двигатели изменили звук — не заглохли, просто стали другими, как будто самолёт въехал во что-то плотное. Сергей видел в иллюминаторе, как облака вокруг засветились — не молния, не статическое электричество, что-то другое. Тихое. Зеленоватое.

Где-то сзади закричала женщина.

Он успел подумать: это выглядит как эффект перехода в «Хрониках». Прямо один в один.

Потом всё стало белым.

Потом — удар. Настоящий, жёсткий — такой, что вышиб воздух из лёгких и погасил всё остальное.

* * *

Он пришёл в себя от боли.

Не от чьего-то крика — хотя крики были, много, со всех сторон. От боли в боку — тупой, глубокой, как будто что-то сломано. Лежал на боку, щека на тёплой земле, перед глазами — пыльная трава, обломок пластика, чья-то рука без движения в двух метрах от него. Просто рука. Он не стал смотреть дальше.

Голова гудела. Во рту — кровь. Он сглотнул, попробовал пошевелиться.

Получилось.

Он сел. Медленно, держась за землю как за что-то надёжное. Мир качнулся, желудок подкатил к горлу — он зажмурился, подождал.

Прошло.

Жара. Настоящая, плотная — не рижская, другая. Та, что обволакивает с головы до ног и не отпускает. Сухой воздух пах горелым пластиком, дымом, и под этим — чем-то смолистым и незнакомым.

Самолёт лежал в ста метрах — вернее то, что от него осталось. Хвост отдельно, нос смят и вдавлен в скалу, посередине — дымящаяся рваная дыра, из которой валил чёрный дым. Что-то внутри горело. Вокруг бегали люди — кричали, тащили кого-то, один стоял на месте и просто смотрел в одну точку, стоял и стоял; никто не подходил к нему.

Сергей встал. Покачнулся. Устоял.

Руки-ноги целые. Голова цела. Бок болит — но это не сломано, просто удар. Повезло.

Он посмотрел на свои руки. Мягкие, без мозолей, с ободранными костяшками и чужой кровью — откуда, непонятно. Не руки человека, который умеет что-то делать руками. Он вообще был не из тех, кто создан для подвигов — среднего роста, округлый, с мягкой пухлостью, которая бывает у людей, проводящих много времени в кресле. Плечи сутулые, живот не плоский, очки — одно стекло треснуло при ударе, но держится. Восемнадцать лет, сто килограмм мыслей и примерно ноль килограмм мышц.

Он огляделся.

Горная долина. Склоны по бокам — крутые, каменистые, поросшие редким лесом. Жара давила. Трава под ногами была выжженной и жёсткой, каменистая земля потрескалась. Внизу, далеко, блестела полоска воды.

Горы не похожи на Карпаты. Карпаты он видел в учебниках — мягкие, зелёные. Здесь другое. Голые серые скалы, густой кустарник с мелкими листьями, сосны — невысокие, пере-крученные. Горячий воздух дрожал над камнями.

Что-то с соснами было не так.

Он пригляделся. Листья. Рядом с иглами — маленькие, узкие листья. У сосен так не бывает.

Он отметил это — и пошёл к горящему самолёту.

* * *

Внутри ещё были живые.

Он это понял по голосам — слабым, из глубины дымящегося корпуса. Кто-то стонал, кто-то звал на помощь по-русски, кто-то — на незнакомом языке. Двое мужчин уже тащили оттуда женщину без сознания. Сергей полез следом — пригнувшись, зажав нос рукавом. Дым ел глаза.

Первый раз — мужчина с разбитой головой, тяжёлый, почти не помогал. Сергей тащил его волоком, задыхался, вывалился наружу вместе с ним, упал на колени. Встал. Пошёл снова.

Второй раз — женщина у иллюминатора, в сознании, но не могла встать. Он взял её под руки — неловко, руки дрожали — и потащил к выходу. Огонь уже добрался до ближних кресел, дым стал гуще. Он почти не дышал на последних метрах.

Третий раз — он слышал голос где-то глубже, в хвостовой части. Шёл на звук. Дым стоял как стена. Он полз почти на четвереньках, и тогда что-то в хвосте рвануло — несильно, но достаточно, чтобы швырнуть его назад. Он ударился о край проёма плечом и покатился по траве.

Звон в ушах. Долго.

Он сел на земле и смотрел, как горит самолёт.

Там ещё оставались люди. Он слышал голос — когда лез в третий раз, когда полз на четвереньках. Потом взрыв. И голос исчез. Он сидел и смотрел на огонь — и не думал об этом. Просто не мог думать. Что-то внутри заблокировало это место и не пускало. Может, потом. Не сейчас.

Потом встал и пошёл помогать иначе — таскал вещи, нашёл три аптечки в обломках, помог перевязать руку мужчине, который кричал громче всех. Работал молча. Говорить не хотелось. Внутри было странно пусто — не страшно, не больно, просто пусто, как будто что-то важное ещё не успело дойти.

Их было около тридцати выживших. Должно было быть гораздо больше.

* * *

Детали не сходились.

Жилкование травы — слишком правильное, почти геометрическое. Насекомое на обломке — похоже на стрекозу, но крыльев шесть, не четыре. Птица пролетела над головой — силуэт знакомый, но хвост раздвоен иначе, и крикнула не так.

На второй день он попытался сориентироваться по солнцу. Встал утром, засёк направление восхода — и не понял. Угол был неправильный. Может, он сам стоял не так. Может, ошибся. Он не был уверен, и это беспокоило его сильнее, чем он готов был себе признать.

Он попытался сказать Виктору Андреевичу — что что-то не так с этим местом. Виктор Андреевич посмотрел на него как на контуженного и вернулся к своему делу — организовывал людей, раздавал задания, ждал спасателей с той уверенностью, которая — либо очень сильная воля, либо отказ думать. Сергей попытался сказать ещё двоим. Бросил. Никто не хотел слышать.

Тогда он сел у стены обломка и смотрел на лагерь — как люди двигаются, как говорят, как организуются. Кто берёт на себя, кто держится в стороне, кто молчит и просто делает, что говорят. Виктор Андреевич явно принял командование — голос поставленный, движения уверенные. Его слушались. Двое молодых парней держались рядом с ним. Женщина с ребёнком сидела у дальней скалы и никуда не ходила — ребёнок спал у неё на руках.

Он смотрел и запоминал. Это он умел.

Ночью он лежал и смотрел в небо.

Созвездия были незнакомые. Совсем. Он знал ночное небо неплохо — увлекался в школе, мог найти Большую Медведицу, Орион, Кассиопею. Здесь не было ни одного знакомого рисунка. Ни одного.

Он лежал долго и не мог перестать смотреть — как будто, если смотреть подольше, проявится что-то знакомое. Не проявлялось. Чужие звёзды стояли на месте, спокойные, равнодушные, непривычные.

Это было страшнее чем всё остальное. Не горящий самолёт. Не голоса, которые замолчали после взрыва. Чужое небо над головой — вот что не давало спать. Потому что горящий самолёт — это катастрофа, а катастрофы случаются. А чужое небо — это другое. Значит, ты не там, где должен быть. Совсем не там.

Он отвернулся от неба.

Не помогло — он знал, что оно там, над ним, незнакомое.

* * *

На третий день он нашёл камни.

Ручей в ста метрах от лагеря. Сергей ходил туда за водой дважды в день. На четвёртый раз — заметил.

Плоский серый камень у воды. На нём — знак. Неглубокий, явно старый, края сглажены водой и временем. Но различимый.

Он присел. Долго смотрел.

Это была руна Тейваз. Стрела, направленная вверх. Называют её по-разному — руна Тюра, руна воина, руна победы в честной битве. Стрела, которая всегда летит вверх.

Бабушкин голос в голове — низкий, спокойный, как будто она сидит рядом на крыльце в Псковской области, вечер, пахнет смородиной и старым деревом: «Тейваз, Серёженька. Тюр

— однорукий бог. Он дал руку чудовищу, чтобы остальные боги выжили. Это руна жертвы ради правого дела. Смотри — стрела всегда вверх, никогда вниз.»

Ему было лет десять. Лето в деревне — лучшее что было в его детстве. Бабушка Агния была странной — это он понял позже. Деревенские её уважали и чуть побаивались. Она знала травы, знала за три дня, когда будет дождь, умела как-то так смотреть на человека, что тот начинал рассказывать всё. Но главное — она знала истории. Не сказки. Истории. Про богов, про великанов, про людей, которые умели слышать мир.

Он слушал открыв рот.

Руны она показала ему на четвёртое лето. Вырезала из дерева, раскладывала на столе. Двадцать четыре знака. Каждый — не просто буква, каждый — сила. «Это не алфавит, Серёженька. Это инструменты. Только большинство людей забыло как ими пользоваться.»

Он выучил все. Не потому, что верил, — а потому, что было интересно. Потом нашёл книги, форумы, людей, которые изучали серьёзно. Знал значения, знал составные формулы, знал, в каких контекстах какую руну использовали. Всё это осело в голове как интересная историческая система — не более.

Бабушка умерла, когда ему было пятнадцать. Руны остались.

Он провёл пальцем по Тейвазу на камне. Камень был тёплым — не от солнца, изнутри.

Рядом был второй камень. На нём — Альгиз. Руна защиты. Поднятая рука с расставленными пальцами.

Третий камень. Четвёртый. Они шли вдоль берега ручья неровной цепочкой — явно не случайно, но и не как надпись. Как метки. Как граница.

Он медленно выпрямился.

Кто бы это ни оставил — знал Старший Футарк. Или что-то очень похожее.

Бабушка: «Рунам тысячи лет, Серёженька. Может, земля везде одна.»

Он долго стоял у ручья. Потом вернулся в лагерь и не сказал никому.

* * *

На пятый день пришли они.

Сергей услышал лошадей раньше чем увидел. Цокот копыт — твёрдый, ритмичный. Потом — голоса. Незнакомый язык, короткие команды.

Из-за скалы вышли всадники. Восемь человек в кожаных куртках с металлическими бляшками, при оружии. Мечи, у двоих копыя. На куртках — никаких знаков. Двигались как люди, привыкшие к такой работе — спокойно, размеренно, не торопясь.

Кто-то из выживших закричал: спасатели!

Виктор Андреевич пошёл навстречу — уверенно, с видом человека, который наконец дождался. Сказал что-то по-русски, потом по-английски. Всадник выслушал без выражения, взял его за плечо и повёл в сторону. Виктор Андреевич удивлённо обернулся — и пошёл. Просто пошёл, как будто так и надо.

Остальные потянулись следом. Они не понимали, что происходит, — думали, что их ведут куда надо. Молодая женщина с ребёнком спросила что-то — ей показали жестом: иди. Она пошла.

Сергей не двигался.

Смотрел на то как это происходит. На то как никто ничего не объясняет. На то как охранники расположились по периметру — без суеты, сразу правильно, как будто периметр был заранее размечен в голове у каждого. Это не спасательная операция. У спасателей есть форма, есть переговорники, есть носилки. Здесь ничего этого не было.

Он пошёл со всеми — не потому что поверил. Потому что выбора не было.

* * *

Загон был за перевалом — два часа пешком под конвоем. Каменные стены, деревянные ворота, солома на земле. Внутри уже были люди — не с их самолёта, другие. Смотрели на

новых молча. Несколько сразу отвернулись — с видом людей, которые уже всё поняли и не тратят силы на остальное.

Ворота закрылись.

Сергей сел у стены. Осмотрелся медленно. Охрана снаружи, ходят по периметру. Стены высокие, наверху острые колья. Один угол просел — там пониже, но всё равно высоко. Ворота крепкие.

Он попробовал прикинуть, когда меняется охрана — сидел, смотрел в щели между досками. Сбился. Попробовал снова — не понял. Слишком много неизвестных. Языка не знает. Местности не знает. Куда бежать — непонятно.

Рядом опустилсa мужчина лет сорока — плотный, с разбитой губой. Явно получил при погрузке. Сидел молча, смотрел перед собой.

— Ты понимаешь, что происходит? — спросил Сергей тихо по-русски.

Мужчина покачал головой. Не «нет» — скорее «не хочу говорить об этом».

Сергей замолчал.

На второй день в загон пришли отборщики.

Трое. Одеты хорошо — кожа выделанная, пояса с серебром. Зашли без спешки, встали посередине. Старший широкоплечий, с короткой бородой, обвёл взглядом загон как хозяин осматривает склад.

Они начали ходить между людьми. Смотрели внимательно — руки, плечи, зубы. Один велел мужчине встать, тот не понял, его подняли за локоть. Мужчина дёрнулся — получил удар под рёбра, согнулся, его подняли снова. Больше не сопротивлялся.

Выбранных выводили по одному. Некоторые шли молча, с тем особым выражением, какое бывает у человека, отключившегося от происходящего. Одна женщина вцепилась в солому — её тащили волоком, она кричала.

Потом замолчала за воротами.

Сергей сидел неподвижно. Смотрел туда, где солома была примята — там, где её держали. Просто смотрел. Не думал ничего. Только — место, примятая солома, тишина после.

Виктор Андреевич попытался что-то говорить — громко, требовательно, с интонацией человека, привыкшего, что его слушают. Охранник посмотрел на него без интереса и отвернулся. Виктор Андреевич повысил голос. Тогда его взяли за воротник, вынесли за ворота и вернули через несколько минут — он сел в угол и больше не говорил громко. Смотрел в стену с выражением, какого Сергей прежде не видел у взрослых, уверенных в себе мужчин.

Сергей сидел неподвижно и наблюдал.

Его в этот раз не выбрали. Он не знал почему. Может, слишком мягкий на вид. Может, не та комплекция. Может, просто не дошла очередь.

Ночью он лежал и думал о том, что будет с остальными. Тридцать человек в этом загоне плюс те, что были здесь до них. Куда уводят выбранных. Возвращаются ли. Он смотрел в щель между досками крыши на чужие звёзды — всё те же, знакомые, никуда не делись, — и думал об этом. И это было хуже чем думать о себе, потому что о себе хотя бы можно было что-то решить.

Бабушка. Что бы ты сказала сейчас.

Ничего не ответило. Только ночь и звёзды которых он не знал.

Он перевернулся на бок.

Он никогда в жизни ничего подобного не делал. Не умел драться, не умел выживать, не умел договариваться с людьми, которые держат тебя за скот.

Но он умел смотреть. И ждать. И замечать детали.

Пока это всё что у него было.

* * *

Конец первой главы # Глава 2

Бежать было бессмысленно.

Сергей понял это не сразу — лежал полночи и прокручивал варианты один за другим, и каждый упирался в одно и то же. Снаружи чужой мир. Язык незнакомый. Местность незнакомая. Куда бежать — непонятно. К кому — тем более. Себя оценивал трезво — не боец. Догоныт раньше, чем доберётся до первого холма.

Значит, не бежать. Значит, смотреть.

* * *

Загон жил по своему распорядку. Утром охрана приносила еду — хлеб, что-то варёное в глиняных мисках, воду. Днём — тишина, жара, мухи. Иногда приходили отборщики. Вечером охрана менялась. Ночью — костёр за воротами, голоса, иногда смех.

Сергей наблюдал.

Охранников было шестеро в смене. Старший — коренастый мужик с рыжей бородой, командовал отрывисто, остальные слушались без вопросов. Двое у ворот, двое по периметру, двое отдыхали. Одеты одинаково — шерстяные штаны, длинные рубахи навывпуск, подпоясанные широким ремнём у каждого, поверх кожаные безрукавки с нашитыми металлическими бляшками. На ногах — высокие сапоги. Оружие — мечи на поясе, у двоих копья. На головах ничего — шлем только у рыжебородого, простой конический, без украшений. Круглые щиты висели у ворот на колышках — расписные, с геометрическими узорами красного и чёрного.

Двигались привычно, без лишних слов. Работа как работа.

Язык он слушал внимательно. Не понимал ничего — но что-то в нём было смутно знакомым. Не слова, а ритм. Какие-то звуки цеплялись — будто слышал их где-то, в другом контексте, давно. Он не мог понять где. Отложил — пусть лежит, потом разберётся.

Считал смены. На третью ночь понял: охрана меняется не через равные промежутки. Рыжебородый приходил, когда хотел — иногда через три часа, иногда через пять. Непредсказуемо, намеренно. Кто-то их этому учил.

Это был ещё один признак: здесь знают, что делают.

* * *

На третий день пришли женщины.

Их было трое.

Сергей услышал их раньше, чем увидел — охрана снаружи вдруг замолчала. Не насторожилась, не scomандовала. Просто замолчала — как замолкают, когда приходит кто-то, перед кем не говорят лишнего.

Женщины вошли через ворота, не спрашивая разрешения. Охрана расступилась. Рыжебородый что-то коротко сказал — не приказ, что-то среднее между приветствием и рапортом. Те не ответили.

Выглядели как воины — и только так. Никакой мягкости в снаряжении, никаких уступок. Шерстяные рубахи до колена, поверх — кожаные доспехи с металлическими пластинами, нашитыми внахлёст, плотно, без щелей. На предплечьях кожаные наручи. На ногах сапоги с широкими голенищами. У каждой на поясе — меч и нож. За спиной — круглые щиты, окрашенные в тёмно-синий, без узоров, только металлический умбон в центре. Волосы убраны в плотные косы, заколоты — ничего, что можно схватить в бою.

Но мечи — другие. Не рабочие клинки без украшений. Вдоль каждого клинка — узор, вырезанный глубоко, переплетающийся от рукояти до острия. Руны — но не простые, не те, что пишут в письмах и на вывесках. Другие, составные, вплетённые друг в друга так плотно, что отдельный знак было не выделить. Сергей смотрел и не мог остановиться — что-то в этих узорах тянуло взгляд, удерживало.

И лица.

Лица у всех троих окрашены — синие и чёрные полосы от скул к подбородку, у старшей ещё горизонтальная линия через лоб. Не боевая раскраска, которую наносят в спешке перед

схваткой. Нанесена аккуратно, тонко, со смыслом — как наносят то, что носят на себе постоянно.

Старшей лет пятьдесят. Высокая, прямая, движется как человек, которому не нужно думать о том, как двигаться. Седые волосы в тугой косе, на висках — короткие косицы с костяными кольцами. Взгляд — спокойный, без суеты, смотрит сразу на весь загон. Средняя — моложе, темноволосая, чуть ниже, держится на полшага позади. Рука привычно лежит на рукояти меча — не угрожающе, просто так. Младшая совсем молодая — но смотрит так же, с той же закрытой внимательностью.

Они прошли по загону медленно. Не выбирали — просто смотрели. Старшая иногда останавливалась, закрывала глаза на секунду, открывала. Люди притихли. Кто-то отодвинулся, кто-то наоборот потянулся вперёд — не осознанно.

Потом старшая что-то коротко сказала охраннику. Тот кивнул, вошёл в загон, начал указывать на женщин — тех, кто помоложе, кто покрепче. Некоторые шли сами. Одну пришлось вести под руку — она не сопротивлялась, просто не двигалась, смотрела в землю.

Их вывели за ворота. Мужчин эти трое не тронули.

Старшая задержала взгляд на Сергее — секунду, не больше. Потом прошла мимо.

Ворота закрылись.

Сергей смотрел на пустые места, где только что сидели те женщины. Молодая с ребёнком. Рыжеволосая из угла. Ещё двое, которых он не знал по имени.

Четыре места. Примятая солома.

* * *

На четвёртый день пришли другие.

Двое мужчин в добротных куртках с серебром на поясах — не охрана, другой статус. И третий с ними. Высокий — на голову выше обоих, и те не маленькие. Широкий в плечах, прямой, шёл так, как ходят люди, которые занимают столько места, сколько им нужно, и не думают об этом. Лет пятидесяти пяти — но возраст читался только в седине тёмной бороды, заплетённой в две косы с железными кольцами, и в прищуре человека, привыкшего долго смотреть вдаль.

Одет как воин — шерстяные штаны, рубаха с вышитым воротом, поверх кожаный доспех с нашитыми железными пластинами, длинный тёмный плащ, застёгнутый на плече массивной фибулой. На поясе меч — рукоять потёртая, ножны без украшений. Рабочий меч, не парадный. На шее — цепь с тремя тёмными камнями.

Но главное — руки.

Когда он поднял правую, чтобы указать на что-то своим спутникам — рукав плаща сдвинулся. От запястья до локтя — знаки. Не татуировки синей краской. Что-то другое — выжженное или вырезанное прямо на коже, линии тёмные и чёткие. И на лице — тонкие линии вдоль скул, почти незаметные, если не смотреть специально.

Сергей смотрел на эти линии и что-то в нём сдвинулось.

Руны.

Он не был уверен — но очень похоже.

Двое с серебром на поясах начали обходить мужчин. Смотрели внимательно — на руки, на плечи, на глаза. Одному показали жестом: встань. Тот замешкался — его вздёргнули на ноги, коротко, без злобы, как поднимают мешок. Дальше он делал всё сам.

Мужчину с разбитой губой — того, что сидел рядом с Сергеем с первого дня — вывели за ворота. Вернулся через час. Молча сел. Не сказал ничего.

Двое не вернулись вообще.

Высокий всё это время стоял в стороне. Смотрел — но не на то, на что смотрели те двое. На что-то другое. Один раз прошёлся по загону медленно, сам, без сопровождения. Остановился у одного человека — немолодого мужчины, бывшего бизнесмена по виду — и долго

смотрел на него. Тот смотрел в ответ с видом человека, который пытается понять правила игры. Высокий покачал головой — чуть, едва — и пошёл дальше.

Прошёл мимо Сергея, не останавливаясь.

Сергей выдохнул.

Они ушли все трое. Ворота закрылись.

* * *

Дождя не было уже десять дней. Земля потрескалась, солома пылила, жара к полудню давила как крышка гроба.

На седьмой день вернулись женщины, которых забрали трое с раскрашенными лицами.

Не все. Четыре из шести.

Вошли молча. Две сами, две — поддерживая друг друга. Рыжеволосая из угла легла прямо у стены и не двигалась. Не спала — глаза открыты. Просто лежала. Молодая с ребёнком нашла его и села рядом, прижала к себе, и не говорила ничего.

На них были следы — не побои. Что-то другое. Бледность не от жары. Движения как у людей, которые потратили что-то важное и не знают, вернётся ли оно.

Сергей смотрел на них и думал о двух, которых не вернули. О том, что с ними. О том, хотят ли они, чтобы он об этом думал, или им всё равно.

Наверное, всё равно. Наверное, думать об этом — это для него, не для них.

Он перестал смотреть. Стал смотреть на охрану.

* * *

На следующий день пришли те три женщины снова.

Встали у ворот снаружи. Охрана расступилась как в прошлый раз. Старшая подняла руку.

Сергей смотрел в щель между досками и не понимал, что она делает. Просто держит руку поднятой — пальцы чуть разведены, взгляд в небо. Средняя и младшая встали рядом, тоже подняли руки.

Потом старшая начала чертить. В воздухе перед собой — пальцем, медленно. Линия. Косая черта. Ещё линия.

Сергей привстал.

Знак светился. Не ярко — тёплое оранжевое свечение, как уголёк, который не погас. Он висел в воздухе несколько секунд.

Он знал этот знак.

Лагуз.

Руна воды. Вертикальная линия с косой чертой вниз-вправо.

Бабушкин голос немедленно в голове: «Лагуз — это поток, Серёженька. Вода не знает преград. Она не ломает стену — она обходит, просачивается, находит путь. Сильнее любого камня.»

Старшая нарисовала ещё одну. Потом ещё. Потом четвёртую.

Четыре Лагуза висели в воздухе как точки квадрата.

Потом она сделала круговое движение рукой.

Руны начали двигаться.

Медленно сначала. Потом быстрее. Потом ещё — уже не четыре отдельных знака, а светящийся круг, размытый, вращающийся. Средняя и младшая держали руки поднятыми — не чертили, просто держали. Лицо старшей застывшее, губы сжаты.

Небо изменилось не сразу. Сначала ветер — слабый, ниоткуда. Потом белёсое небо потемнело с края, быстро, как чернила в воде. Туча пришла с севера — плотная, тёмная, настоящая. Первые капли упали на растрескавшуюся землю.

Дождь.

Люди в загоне засмеялись, подставляли лица каплям. Охрана зашевелилась.

Сергей не двинулся.

Смотрел на место, где вращались четыре Лагуза. Там уже ничего — только дождь и смех вокруг. Никто из людей не смотрел туда. Двое молодых охранников шурились в ту сторону неуверенно — может, видели что-то, может, нет.

Он видел отчётливо. Каждую линию. Каждое движение.

Четыре Лагуза. Вращение как усиление. Они не просили воду — они её раскрутили.

Бабушка: «Руны не просьба, Серёженька. Руны — инструмент. Молоток не просит гвоздь войти в стену.»

* * *

Той ночью он не спал.

Он лежал в темноте и думал. Женщины чертили руны — он видел это своими глазами. Знаки, которые он знал с детства. И знаки на руках того высокого — тоже похожие.

Здесь это действует.

Он поднял руку — медленно, осторожно. Указательный палец.

Лагуз. Вертикальная линия. Косая черта вниз-вправо.

Он думал не о форме — о том, что за ней. Вода, течение, путь, который находит себя сам.

В темноте что-то мигнуло. Слабое, дрожащее, оранжевое. Линия — была там несколько секунд. Потом погасла.

И сразу — боль. Тупая, за висками, неожиданная. Он зажмурился. Подождал. Прошло — осталась лёгкая усталость.

Он лежал и смотрел на то место, где была линия.

Интересно.

Но осторожно.

* * *

Следующие два дня он пробовал — ночью, по одной руне, медленно.

Боль была каждый раз — разная, но всегда была. После Тейваза — резкая, короткая, как щелчок внутри черепа. После Берканы — тупая и долгая, давила за глазами ещё час после того, как знак погас. После Совуло — вспышка, яркая, на секунду ослепило даже в темноте, и несколько минут смотреть было больно.

Каждый раз — другое. Каждый раз — что-то расходится. Он это чувствовал не умом, а телом — как чувствуешь, что батарейка садится, ещё до того, как прибор начинает тормозить.

Каждый раз он отмечал. Учился.

На третью ночь решил проверить на охраннике.

* * *

Первая попытка.

Беркана. Лагуз. Наутиз.

Боль за висками сразу — он терпел, продолжал. Охранник дёрнул головой не вниз, а в сторону. Резко оглянулся, схватился за рукоять. Встал, прошёлся вдоль стены. Вернулся, сел прямее, настороженнее.

Сергей убрал руку. Боль усилилась — за глазами, плотная, как будто кто-то давит изнутри. Лежал, пока не прошло.

Наутиз. Напряжение. Я его напряг, а не успокоил.

Ждал почти час, пока охранник снова не начал клевать носом.

* * *

Вторая попытка.

Беркана. Лагуз. Вуньо.

Охранник клевал носом медленнее. Голова опускалась — он поднимал, она опускалась снова. Уронил на грудь. Дышал ровно, но неглубоко. Можно было разбудить — но без резкого толчка.

Боль за висками тянула сильнее, чем в первый раз — не острее, но шире, как будто занимала больше места. Сергей лежал и ждал, пока пройдёт. Пять минут. Десять.

Медленно. И неглубоко.

Но — получилось.

* * *

Третья попытка.

Беркана. Лагуз. И — Иса.

Бабушка говорила об Исе осторожно: «Иса останавливает всё, Серёженька. Реку, огонь, мысль. Но лёд не выбирает, что останавливать.»

Он начертил все три — медленно, одну за другой, вкладывая всё, что мог, в последнюю прямую вертикаль.

Охранник обмяк сразу. Просто осел, как будто что-то в нём выключилось.

Боль пришла немедленно — резкая, как удар изнутри черепа. Сергей стиснул зубы. Потом вторая волна — глубже, хуже. Перед глазами поплыло. Руки стали чужими. Что-то в груди сжалось и не разжималось.

Он не контролировал, что происходит дальше.

Тело согнулось само — он не решал этого, просто оказался на боку, колени к груди. Что-то вырвалось — не крик, короткий сдавленный звук, он не мог его остановить. Руки тряслись. Перед глазами — темнота со вспышками.

Он слышал, как снаружи кто-то крикнул. Потом — шаги. Быстрые.

Ворота распахнулись. Кто-то нагнулся над ним — он видел только силуэт. Его подняли за шиворот. Он не мог стоять — ноги не держали, его тащили.

Рыжебородый стоял снаружи и говорил что-то быстро и жёстко. Сергей не понимал слов. Потом его ударили — раз, другой. Он упал. Его подняли и ударили ещё раз — уже без причины, просто потому что непонятное пугает, а страх ищет выход.

Он лежал на земле и смотрел в горячее небо.

Боль от ударов была почти приятной — конкретная, понятная, не та, что изнутри.

Его вернули в загон. Он сидел у стены и ждал, пока перестанет болеть бок.

* * *

К вечеру пришёл тот высокий.

Один. Без тех двоих с серебром. Вошёл в загон, огляделся, нашёл Сергея взглядом. Подошёл. Присел рядом на корточки — так, что они оказались на одном уровне. Близко. Смотрел молча.

Вблизи он был ещё крупнее. Плечи широкие, шея толстая, руки — те, что с выжженными знаками — большие, с мозолями на ладонях. Лицо — закрытое, без выражения. Глаза тёмные, смотрят прямо и очень внимательно.

Сергей смотрел в ответ. Не отводил взгляд — не из упрямства, просто не хотел.

Высокий смотрел долго. Потом встал. Ничего не сказал — ни слова, ни жеста. Просто встал, обвёл загон взглядом ещё раз — медленно, как смотрят, когда запоминают, — и ушёл.

Ворота закрылись.

Сергей сидел и смотрел на место, где он только что стоял.

Не понял, что это было. Проверка — наверное. Но чего именно — непонятно. Не спрашивал, ничего не давал, ничего не требовал. Просто смотрел.

И что-то в этом взгляде было такое, что Сергей не мог отделаться от мысли: этот человек уже принял какое-то решение. Просто не сказал, какое.

Надо учиться быстро.

* * *

Конец второй главы # Глава 3

Его везли связанным.

Не жёстко — руки перед собой, верёвка свободная, не режет. Но верёвка. Он сидел на лошади позади одного из воинов и смотрел на дорогу, которая уходила вниз с перевала в долину.

Снизу поднимался город.

Сергей увидел его сначала как тёмную полосу на фоне зелёных полей — стена. Потом, по мере спуска, стена приобрела детали: серый камень, ровная кладка, башни через равные промежутки. Перед стеной — ров, широкий, с водой. Через ров — деревянный мост на цепях. У моста — ворота, тяжёлые, дубовые, окованные железными полосами.

Город стоял на пологом холме над рекой. С перевала было видно, как он устроен — плотная застройка внутри стен, несколько зданий выше остальных, одно совсем высокое в центре. Вокруг города — поля. Не заброшенные, не пустые. Ухоженные, с межевými канавами, с дорогами между ними. Деревни за полями — добротные, с большими домами, крытыми дёрном или дранкой. Дымки из труб. Стада на пастбищах.

Не разорённая земля. Живая.

По мере спуска дорога стала шире. Попался встречный обоз — телеги с зерном, возницы в простых куртках. Они посторонились, пропуская воинов. Один из возниц сказал что-то рыжебородому — тот коротко ответил, возница засмеялся.

Просто дорога, просто люди, просто день.

* * *

У ворот их встретила стража.

Не суетливо — спокойно, привычно. Четверо в кожаных доспехах с металлическими пластинами, круглые щиты прислонены к воротному столбу. У одного — шлем с кольчужной бармицей, закрывающей щёки. Старший — немолодой воин с проседью в бороде — обменялся несколькими словами с рыжебородым, посмотрел на Сергея без особого интереса и кивнул. Мост опустили.

Под воротами — тёмный каменный проход, гулкий. Потом свет.

Улица.

Мощёная — плоским камнем, подогнанным плотно, без щелей. По обеим сторонам дома — каменные, в два этажа, с маленькими окнами и тяжёлыми дверями. Первые этажи глухие — склады, мастерские. На уровне второго этажа галереи с деревянными перилами. Крыши крутые, крытые дранкой или каменной плиткой.

Улица была живой.

Ремесленник в кожаном фартуке нёс что-то в мешке. Двое мужчин разговаривали у двери — не торопясь, как разговаривают, когда не боятся, что время уйдёт. Женщина с корзиной остановилась у лотка с овощами, торговалась весело, без злобы. Дети гнали куда-то козу. Коза не хотела.

Никто не смотрел на Сергея с особым интересом. Чужак в городе — не новость.

Дальше улица расширялась — площадь. Большая, мощёная, с колодцем в центре. По периметру лавки и мастерские. Кузня в дальнем углу — оттуда звон металла о металл, ровный, рабочий, и запах горячего железа и угольной гари, тяжёлый, настоящий. Люди на площади деловые, без суеты.

И за площадью — Длинный дом конунга.

Не замок, не башня. Длинный и приземистый, из тёмного камня, с узкими окнами. Большой — на всю ширину площади. Крыша высокая, конёк резной. Перед входом двое стражей в кольчугах.

* * *

Его ввели во двор, потом через боковую дверь в небольшую комнату. Каменные стены, солома на полу, узкое окно под потолком. Не камера. Просто кладовая, из которой вынесли мешки. Верёвку сняли. Дверь притворили — не заперли на засов, просто притворили.

Через некоторое время молодая женщина в простом платье принесла еду и воду. Поставила, ушла без слова.

Сергей поел. Хлеб, варёное мясо, что-то с травами. Горячее. Не объедки.

За стеной — голоса. Далёкие, неразличимые. Иногда ближе — кто-то проходил по коридору. Он слушал и не понимал ни слова. Только интонации — деловые, спокойные. Никакого крика, никакой спешки.

Он прислонился к стене и думал.

Не о том, что будет — об этом думать было рано. О том, что видел по дороге. Поля ухоженные. Стада. Возница, который засмеялся в ответ. Женщина, которая торговалась весело. Дети с козой.

Загон, верёвка, удары — это одно. Но город за стенами — другое. Живой, ухоженный, незлой. Здесь у людей есть дома и работа, и что-то смешное случается на рынке. Это не место, где людей держат за скот. Здесь есть порядок — свой, непонятный ему пока, но порядок. Верёвка — это не жестокость. Это осторожность. Правила, которых он не знает.

Правила можно узнать.

Он сидел и ждал.

* * *

В главном зале Длинного дома горел очаг.

Конунг Сигурд стоял у стола, опершись кулаками о дерево. Лет сорока пяти, крепкий, широкий в плечах. Светлые волосы коротко стрижены, борода русая с рыжиной, аккуратная. Одет просто — шерстяная рубаша, кожаный пояс с серебряной пряжкой. На поясе короткий меч в хороших ножнах. Это он приходил в загон с Хравном — стоял тогда в стороне и молчал, пока другой осматривал людей.

Напротив — Хравн. На голову выше Сигурда, широкий в плечах, прямой. Тёмная борода с сединой заплетена в две косы с железными кольцами. Кожаный доспех с нашитыми пластинами, на поясе рабочий меч с потёртой рукоятью. На руках от запястий до локтей — выжженные знаки, руны. Это он приходил в загон третьим — стоял тогда в стороне от двоих с серебром на поясах, смотрел на людей иначе, чем они, и поймал взгляд Сергея.

Рагнхильд у окна, спиной к свету. Седые волосы в тугой косе, на висках короткие косицы с костяными кольцами. Синие и чёрные полосы на скулах — та же ритуальная раскраска, что и тогда в загоне. Кожаный доспех. На поясе меч — и Сергей, если бы был здесь, узнал бы его: клинок с рунным узором вдоль всего лезвия, знаки переплетены так плотно, что не разобрать, где один кончается и другой начинается. Старшая из трёх воительниц, которые приходили и забирали женщин, — та, что останавливалась и смотрела на него дольше, чем на других.

— Третий за год, — сказал Хравн. — Первый зимой за Сарвенским хребтом. Второй весной на границе с Дорантом. Теперь здесь.

Сигурд посмотрел на карту на столе. Долго.

— Дорант, — сказал Сигурд, не поднимая глаз от карты.

— Да.

Сигурд провёл пальцем по линии границы.

— Три месяца молчат.

— Два с половиной, — поправила Рагнхильд от окна. — Мои сёстры потеряли связь раньше, чем ты получил последнего гонца. Последнее, что передала старшая, — портал у них не закрылся. Место изменилось. — Пауза. — Потом писем не было.

— Ты посылала кого-нибудь?

— Двух сестёр. Месяц назад. — Рагнхильд наконец отошла от окна, встала ближе к столу, но не садилась — просто стояла, руки сложены. — Вернулись через две недели. Говорят — всё как прежде, на вид. Дома стоят, люди ходят, рынок работает. — Короткая пауза, и голос чуть изменился — не тверже, но суше. — Только конунг их не принял. Сослался на занятость.

— Виггар? — Сигурд поднял голову. — Виггар сослался на занятость?

— Он самый.

— Мы охотились вместе три года назад. Он приехал ко мне без предупреждения, в метель, просто потому что был в той стороне. Сидел у меня неделю. — Сигурд покачал головой. — Занятость.

Молчание. В очаге потрескивало дерево.

— Это не всё, — сказал Хравн.

— Знаю, — сказал Сигурд. — Говори.

— Кнут с севера дважды за зиму отклонил зов на тинг. Первый раз — болезнь. Второй раз — не объяснил вовсе. Просто не приехал. — Хравн помолчал. — И Бьёрн. На последнем совете говорил открыто — система призыва устарела. Что нужен другой порядок. Наследственный.

Сигурд фыркнул — коротко, почти презрительно.

— Бьёрн всегда был недоволен.

— Бьёрн всегда был недоволен вслух, — сказал Хравн — без интонации, но отчётливо. — А теперь он говорит это на совете, при всех, не стесняясь. Это другое, Сигурд.

— Я понимаю, что это другое. — Сигурд снова посмотрел на карту — будто карта могла сказать что-то, чего он ещё не знал. — Рагнхильд. Ты думаешь, это связано?

— Я думаю, — сказала Рагнхильд медленно, — что мы задаём неправильный вопрос. Не «связано ли это», а «как давно это связано, и мы не видели».

Хравн открыл рот.

— Порталы открываются не сами по себе, — перебила она, не повышая голоса. — Кто-то истончает границу. И те, кто хочет сломать традицию вече, — они не сами додумались. У них кто-то за спиной. Кто-то говорит им, что это возможно. Что так лучше. — Пауза. — Что даст им силу, чтобы это сделать.

— Ты говоришь о Мёркхейме, — сказал Хравн.

— Я говорю о том, чего мы не знаем. — Рагнхильд посмотрела на него прямо. — Разница важна.

— Хорошо, — сказал Хравн, и в голосе было лёгкое раздражение — не на неё, скорее на ситуацию. — Мы не знаем. Но пришельцы — двадцать восемь человек, из развитого мира, языка не знают. Среди них ремесленники, несколько воинов по выправке, лекари. Форт отберёт, кого нужно.

— Девочка? — спросила Рагнхильд.

— Да. Лет двенадцати, Дар явный. Твои люди её уже взяли.

— Знаю. — Она слегка кивнула. — Дальше.

— Один юноша. Восемнадцать-двадцать лет, не воин, слабый на вид. — Хравн помолчал секунду. — Охрана загона доложила — охранник вырубился на посту ночью. Когда зашли проверить — юноша лежал рядом, в плохом состоянии. Трясся, не мог говорить. Охрана опытная, знают, как выглядит откат от рун у неподготовленного. Доложили мне.

— Пришелец работал с рунами, — сказал Сигурд. Не вопросительно — просто произнёс вслух.

— Судя по состоянию — да. И не в первый раз. На нём следы нескольких откатов, один тяжёлый.

— Откуда у него руны.

— Вот именно, — сказал Хравн. — Именно это я хочу выяснить.

Рагнхильд медленно повернулась от карты.

— Хравн. — Голос тихий. — Осторожно.

— Я всегда осторожен.

— Нет. — Она не повысила голоса, но что-то в интонации изменилось — стало чуть жёстче, чуть терпеливее, как говорят с человеком, которому уже объясняли это раньше. — Ты

всегда ищешь инструменты. Это не одно и то же. Пришелец из портала, умеющий работать с рунами, — это либо очень хорошо, либо очень плохо. И пока мы не знаем, кто его послал и зачем — мы не знаем, что именно.

— Его никто не посылал. — Хравн чуть повёл плечом. — Он не понимает, где находится. Это видно.

— Это видно сейчас. — Рагнхильд выдержала паузу. — Три месяца назад Виггар тоже выглядел как прежде. И мы говорили о нём примерно так же — «нормальный человек, просто занят».

Долгое молчание.

Сигурд смотрел на карту. Провёл пальцем по линии границы с Дорантом — медленно, от востока к западу. Потом убрал руку.

— Бери его, Хравн. Выясняй. — Пауза. — Но слышишь меня — чтобы я знал всё, что узнаешь ты. Всё.

— Слышу, — сказал Хравн.

— И если почувствуешь что-то нечистое — немедленно. Не «разберусь сам». Немедленно.

Хравн кивнул один раз.

— Понял.

Хравн повернулся к выходу.

— Хравн, — сказала Рагнхильд.

Он остановился, но не обернулся.

— Мальчишка едва жив после своих экспериментов. Не торопи его. Если в нём есть что-то настоящее — оно никуда не денется. — Небольшая пауза. — А если поторопишься и сломаешь — мы не узнаем, что именно потеряли.

Хравн помолчал секунду. Потом вышел — не ответив, но и не отмахнувшись.

Сигурд смотрел на карту. На точку, где был загон. На линию дороги к Доранту. На северную границу.

— Рагнхильд.

— Да.

— Ты думаешь — это уже началось.

Она не ответила сразу. Подошла к столу, встала рядом, посмотрела на ту же карту.

— Я думаю, — сказала она наконец, — что, если это началось, мы узнаем не сразу. — Пауза. — Вот что меня беспокоит больше всего. Не то, что происходит. А то, что мы это видим с опозданием.

* * *

Сергей не знал, сколько времени прошло.

За узким окном темнело. Город менял звук — дневной шум оседал, появлялись другие голоса, другой ритм. Где-то далеко — музыка, короткая, потом тишина. Кузня на площади замолчала — рабочий день закончился, этот маленький звук исчез из общего гула, и стало чуть тише.

Он сидел и думал о городе. О полях. О вознице, который засмеялся. О детях с козой. О том, что здесь у людей есть вечер — и в этот вечер кто-то хочет играть на чём-то струнном.

Это тоже данные. Тоже часть картины.

Здесь есть правила. Их можно понять.

Дверь открылась без стука.

Вошёл высокий — тот самый, с выжженными знаками на руках. Один. Присел напротив на корточки — так, что они оказались на одном уровне. Близко. Смотрел молча.

Вблизи он был ещё крупнее. Голова большая, лоб широкий, скулы тяжёлые. Линии вдоль скул — тонкие, вырезанные. Глаза тёмные, смотрят прямо и без спешки.

Достал из-за пояса плоский тёмный камень. Положил между ними на пол.
Просто положил. И ждал.
Сергей смотрел на камень. Потом на высокого. Взял.
Тёплый — не от тепла тела. Изнутри. На одной стороне гладкая поверхность. На другой — знак. Он провёл пальцем и почувствовал линии раньше, чем увидел в полутьме.
Альгиз.
Руна защиты. Поднятая рука с расставленными пальцами.
Он поднял взгляд.
В лице высокого что-то изменилось — едва, на долю секунды. Не улыбка. Что-то другое — как меняется лицо человека, который ожидал одного и увидел другое. Потом снова ничего. Снова закрытое, ровное.
Высокий ждал — терпеливо, без давления.
Сергей сжал камень в ладони. Альгиз. Не щит, не броня. Живая рука. Предупреждение об опасности — или защита от неё.
Камень потеплел сильнее.
Высокий чуть подался вперёд — едва заметно. Потом выпрямился. Помолчал.
Потом сказал — медленно, одно слово. Вопрос.
Сергей покачал головой. Не понимаю.
Высокий кивнул — как будто это тоже был ответ. Встал. У двери обернулся и сказал ещё одну фразу — медленно, как говорят, когда хотят, чтобы запомнили звук.
Потом ушёл. Дверь снова просто притворил.
Сергей сидел и держал тёплый камень. За окном — тихий город, вечерние голоса. Музыка снова — та же, короткая.
Он не знал, кто этот высокий. Не знал, кто та женщина с раскрашенным лицом. Не знал правила этого места.
Но правила есть. И их можно понять.
Он сжал камень крепче.
Надо учиться быстро.

* * *

Конец третьей главы # Глава 4

Хравн пришёл на рассвете.
Сергей не спал — лежал на соломе и слушал, как город просыпается за узким окном. Голоса, скрип, чьи-то шаги по камню. Где-то закричал петух. Потом ещё один, дальше.
Дверь открылась без стука.
Хравн вошёл, остановился, посмотрел на Сергея. Потом сделал жест — вставай.
Сергей встал. Медленно — тело ещё болело после дороги и ударов.
Хравн ждал без нетерпения.
Потом подошёл. Встал вплотную — Сергей был ему примерно по плечо. Поднял руку и положил ладонь Сергею на грудь — не толчок, просто положил. Закрыл глаза на секунду.
Сергей почувствовал что-то — тёплое, глубокое, как будто кто-то тронул внутри. То самое, что он только недавно обнаружил в себе — с рунами, с ощущением, что за знаком есть сила.
Потом это что-то — заглохло.
Не исчезло совсем. Просто стало недоступным. Как комната за запертой дверью — знаешь, что она есть, но войти не можешь.
Сергей посмотрел на Хравна.
Тот убрал руку. Сказал одно слово — коротко, спокойно. Потом развернулся и пошёл к выходу. На пороге обернулся и кивнул — иди за мной.

* * *

Двор за Длинным домом был большой — утоптанная земля, деревянные мишени вдоль стены, стойки с деревянными мечами и копьями. В углу — бревно, вкопанное в землю, потёртое от ударов.

У стены стоял воин.

Немолодой — лет пятидесяти, может, больше. Невысокий, но такой плотный и прямой, что казался больше своего роста. Лицо, как будто вырезанное из дерева, — резкие черты, глубокие морщины, светлые глаза под нависшими бровями. Шрам через левую щёку — старый, белёсый. Одет просто: штаны, рубаха, кожаный пояс. Никакого доспеха. Руки сложены на груди, смотрит на Сергея.

Хравн сказал ему несколько слов. Воин выслушал, не меняя выражения. Потом посмотрел на Сергея — медленно, с ног до головы. Потом обратно.

И сказал что-то.

Сергей не понял ни слова. Но интонацию понял отлично.

Хравн ушёл.

Воин постоял ещё секунду. Потом взял с земли деревянный меч и бросил Сергею.

Сергей поймал — неловко, едва не уронил.

Воин посмотрел на это. Сказал что-то ещё — короче, тише. Покачал головой.

Потом взял свой деревянный меч и ударил Сергея по плечу — несильно, но чётко. Показал стойку — ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, меч перед собой.

Сергей попытался повторить.

Воин обошёл его кругом, глядя на стойку. Ногой поправил постановку ступни. Рукой толкнул плечо — Сергей качнулся. Воин показал — плечи вот так, не вот так. Снова толкнул — Сергей устоял чуть лучше.

Воин сказал что-то — не одобрительно. Совсем не одобрительно.

* * *

Первые два часа были просто унижительными.

Сергей падал. Поднимался. Падал снова. Воин не бил его по-настоящему — просто показывал, что любой удар проходит, любая защита не держит, любое движение медленное и предсказуемое. Иногда говорил что-то — коротко, с той же интонацией, что в начале. Иногда просто смотрел, как Сергей поднимается с земли — с видом человека, который видит нечто ожидаемое и тем не менее удивительное.

Потом деревянные мечи убрали.

Началось другое — бег по двору, круг за кругом. Потом приседания. Потом отжимания — Сергей смог три, упал на четвёртом. Воин постоял над ним. Сказал что-то — на этот раз чуть тише, как будто даже насмехаться было лень.

Потом снова бег.

К полудню у Сергея не было ног. Не в переносном смысле — в буквальном. Ноги не слушались. Он сидел у стены двора и смотрел на свои руки, которые тряслись.

Воин принёс воду — кружку, не больше. Поставил рядом. Сел напротив на бревно, достал нож, начал что-то вырезать из куска дерева. Не смотрел на Сергея. Но был рядом.

Сергей выпил воду. Подумал, что, наверное, это конец на сегодня.

Воин убрал нож. Встал. Посмотрел на Сергея. Сказал одно слово — и по интонации это явно было «вставай».

* * *

После полудня воин кивнул на ворота в дальнем углу двора.

Сергей не понял — туда? Воин уже шёл, не оглядываясь.

За воротами оказалась конюшня. Небольшая, на шесть денников, пахло сеном, и навозом, и чем-то тёплым, живым. В среднем деннике стояла лошадь — кауряя, невысокая, с умными тёмными глазами. Смотрела на Сергея без особого интереса.

Воин взял с крюка уздечку. Надел на лошадь — привычно, за несколько секунд. Потом достал из угла что-то вроде подставки, поставил рядом с лошадью, кивнул на неё Сергею.

Сергей посмотрел на лошадь. Потом на воина. Потом снова на лошадь.

Воин скрестил руки на груди и ждал.

Сергей залез на подставку. Лошадь покосилась на него. Он перекинул ногу — неловко, зацепился коленом за спину лошади, едва не съехал на другую сторону, схватился за гриву. Кое-как устроился.

Лошадь даже не шелохнулась. Ей, кажется, было всё равно.

Воин посмотрел на него снизу вверх с тем же выражением, что и на деревянный меч. Сказал что-то — Сергей узнал интонацию. Та же, что три часа назад. Слова другие, смысл тот же.

Потом взял лошадь под уздцы и повёл по двору.

Первые несколько шагов Сергей держался за гриву обеими руками. Лошадь шла ровно, спокойно — это было почти хуже, потому что качало всё равно. Не сильно, но непривычно, как будто земля под ним стала живой.

Воин отпустил уздцы. Лошадь продолжала идти сама.

Сергей понял, что не знает, что делать руками. Ногами. Вообще ничем.

Лошадь это тоже, кажется, поняла — остановилась посередине двора и опустила голову, потянулась к траве у стены.

Воин что-то сказал. Сергей не знал, что именно, но судя по тону — это было про него, про лошадь, и ничего хорошего.

Они провели в конюшне ещё час. К концу Сергей мог более или менее сидеть прямо и не хвататься за гриву на шагу. Это было всё, что у него получилось.

Воин убрал лошадь. Посмотрел на Сергея — долго, без выражения. Потом кивнул в сторону Длинного дома — иди.

Не похвала. Но и не то выражение, которое было утром.

Что-то среднее.

* * *

Ближе к вечеру привели женщину.

Сергей сидел в тени у стены — воин наконец отпустил его, молча, кивком. Сергей добрался до небольшой комнаты рядом с двором, опустился на лавку и не двигался.

Дверь открылась. Вошла женщина — лет сорока, в простом местном платье, тёмные волосы убраны назад. Лицо обычное, усталое, с умными глазами. Посмотрела на него — быстро, оценивающе, как смотрит врач на пациента, которого только что привезли.

Потом сказала по-русски:

— Ну и вид у тебя.

Сергей несколько секунд просто смотрел на неё. Потом что-то внутри — какой-то зажим, который он держал несколько дней, — чуть отпустило. Он даже не понял сразу почему. Просто русская речь. Просто родной язык.

— Ты русская? — голос сел, он откашлялся. — Извини, я несколько дней почти не говорил.

— Ничего. — Она села напротив, без лишних церемоний. — Марина. Как попал сюда?

— Самолёт. Рига — Прага. Что-то случилось, мы... — он запнулся. — Упали. Оказались здесь.

— Когда?

— Недели две. Может, три. Я сбился со счётом.

Марина кивнула — не удивлённо, скорее деловито. Как будто это была не особенно интересная, но необходимая информация.

— Я здесь семь лет, — сказала она. — Паром на Балтике, шторм. — Короткий жест. — Стандартная история, если можно так сказать про нестандартные обстоятельства.

— Семь лет, — повторил Сергей. Просто чтобы что-то сказать. Семь лет звучало как приговор.

— Да. Привыкла. — Она сказала это ровно, без жалости к себе и без попытки его успокоить. — Преподавала шведский и норвежский. Это сильно помогло с языком — местный диалект родственный. Ты что-нибудь знаешь из скандинавских?

— Нет. Ничего.

— Английский?

— Читать читаю. Говорю плохо. — Сергей помолчал. — В школе учил. Толку немного. Марина кивнула.

— На слух понимаешь?

— Если медленно.

— Уже что-то. — Марина кивнула — без особого впечатления, просто отметила. — Здесь не пригодится, жаль. Но запомню. Ничего, освоишься. — Она помолчала секунду. — Руны знаешь?

Сергей посмотрел на неё.

— Откуда...

— Хравн сказал. — Марина произнесла это имя совершенно буднично — как говорят о начальнике, которого хорошо знают и с которым давно научились работать. — Сказал, что ты пробовал работать с ними в загоне. И что тебя едва не убило.

— Меня не убило.

— Пока, — сказала она — без нажима, просто констатация. — Здесь это устроено иначе, чем ты думаешь. Намного мощнее и намного опаснее для неподготовленного. Ты мог умереть там в загоне — это не красивые слова, это просто то, что было.

— Я понял, — сказал Сергей. — Мне уже объяснили. Несколько раз.

— Кулаками?

Сергей повёл плечом — и тут же пожалел, потому что плечо отозвалось болью.

— В основном да.

Марина посмотрела на него — чуть внимательнее. Потом что-то в уголках её глаз изменилось — не улыбка, но близко к тому.

— Это Ульф. Он другого языка не знает, — сказала она. — Не потому, что жестокий. Просто так учили его самого.

— Доходчиво, — сказал Сергей.

— Действует. — Она открыла небольшую сумку, которую принесла с собой, достала кусок кожи и что-то похожее на стило. — Что Хравн от тебя хочет — понимаешь?

— Нет. Точнее — догадываюсь. Понять, что я такое.

— Примерно. — Марина посмотрела на него. — Он не злой человек. Но он эриль — мастер рун, воин и маг в одном лице. Для таких людей всё в мире делится на две категории: инструмент и угроза. Пока он не понял, что ты — ты одновременно и то и другое. — Пауза. — Держи это в голове. Не заискивай и не дерзи. Просто отвечай честно на то, о чём спрашивает.

— А если не спрашивает?

— Тогда молчи. — Она сказала это просто, без поучения. — Хравн ценит тех, кто умеет молчать.

Сергей помолчал. Потом сказал — тихо, почти себе:

— Я хочу домой.

Марина не ответила сразу. Положила стило на стол. Посмотрела на свои руки.

— Я знаю, — сказала она наконец. — Я тоже хотела. Семь лет назад. — Пауза. — Потом перестала.

— Перестала хотеть?

— Перестала думать, что это поможет.

Она подняла взгляд — прямо, без жалости, но и без жёсткости.

— Это не значит, что возврата нет. Я просто не знаю, есть ли он. Никто здесь не знает.

— Короткая пауза. — Но пока ты не знаешь — лучше учиться жить здесь. Это в любом случае пригодится.

Сергей смотрел на неё. Это был, пожалуй, самый честный ответ, который он мог получить. Не утешение. Не приговор. Просто — так обстоят дела.

* * *

Язык начался в тот же день.

Марина работала методично — предметы, действия, числа. Поправляла произношение сразу, коротко, без объяснений почему. Сергей повторял. Голова гудела от усталости, слова не держались.

— Ещё раз, — говорила она. — Нет, не так. Вот так. Ещё.

После пятого повтора одного и того же слова Сергей не выдержал.

— Послушай, я сегодня полдня падал в грязь. И на лошади первый раз сидел. У меня голова не работает.

Марина посмотрела на него без особого сочувствия.

— Знаю. Именно поэтому сейчас — только самое простое. Завтра голова будет работать лучше. — Пауза. — Может быть.

— Оптимистично.

— Реалистично. — Она снова указала на рисунок. — Ещё раз.

Через два часа он знал тридцать слов. Может, тридцать пять.

— На сегодня хватит, — сказала Марина. Встала, убрала кожу со стилем в сумку.

Сергей провёл рукой по лицу.

— Сколько времени займёт — чтобы разговаривать?

— Месяца три. Если будешь работать. — Она надела плащ. — Понимать начнёшь раньше — через месяц что-то начнёт складываться. Руны помогут — некоторые слова здесь прямо от них происходят. Увидишь сам.

— А ты... — Сергей помолчал. — Тебе здесь нормально? Семь лет — это долго.

Марина остановилась у двери. Обернулась — не сразу, через секунду.

— Нормально, — сказала она. — Это не то слово, которое я бы выбрала. Но жить можно. — Пауза. — Привыкаешь. К языку, к людям, к тому, как здесь устроено. Хравн — сложный человек, но честный. Сигурд — справедливый. Это важно.

Она ушла.

Сергей сидел и смотрел в стену.

Тридцать слов. Три месяца. Семь лет.

И лошадь, которая остановилась посередине двора и начала жевать траву, пока он сидел на ней и не понимал, что делать руками.

* * *

Вечером пришёл Хравн.

Сергей лежал на соломе и не мог пошевелиться — буквально. Каждая мышца болела отдельно, как будто тело решило предъявить счёт за всё сразу.

Хравн вошёл, посмотрел на него. Что-то в его лице изменилось — не сочувствие, скорее профессиональная оценка. Присел рядом на корточки.

Потом достал из-за пояса плоский камень с руной — Беркана — и положил рядом с Сергеем на солому. Накрыв ладонью. Закрыв глаза.

Тепло пришло сразу — мягкое, глубокое. Боль не исчезла — но отодвинулась.

Хравн убрал руку. Встал. Посмотрел на Сергея сверху вниз. Сказал что-то — одно слово, коротко. Интонация была странная — не вопрос, не приказ. Что-то среднее.

Сергей не понял. Но запомнил звук — четыре слога, что-то твёрдое в начале.

Хравн подождал секунду. Потом кивнул — как будто ответ и не требовался — и вышел. Дверь притворил, не запер.

Сергей лежал и смотрел в потолок.

Тепло от Берканы ещё держалось в груди — слабое, почти воображаемое, но держалось. Он повторял слово беззвучно, снова и снова, вкладывая в него это тепло — как будто одно держало другое. Пока не погаснет одно — не исчезнет второе.

К тому времени, как тепло наконец ушло — слово уже было внутри.

Это было первое слово на чужом языке, которое он решил запомнить намеренно.

* * *

Конец четвёртой главы # Глава 5

Боль стала фоном.

Не прошла — просто переместилась. Раньше она была событием, теперь стала погодой. Утром Сергей просыпался и первые несколько секунд лежал, не двигаясь, — не потому, что хотел ещё поспать, а потому, что тело требовало инвентаризации. Что болит сильнее, чем вчера. Что болит так же. Что неожиданно болит меньше.

Потом вставал.

Кладовая была та же — солома, одно одеяло из грубой шерсти, узкое окно под потолком, через которое утром падала полоска света. Стены каменные, летом холодные, сейчас — просто прохладные. Личных вещей не было никаких. Его рижская одежда исчезла в первый же день — взамен дали местное: льняная рубаха, штаны из грубой шерсти, широкий пояс, сапоги. Всё без украшений, всё рабочее. Сидело нормально — или он привык.

Умывался во дворе. Деревянное корыто у стены, вода холодная — всегда, в любую погоду. Первую неделю он шипел и морщился. Теперь просто умывался.

Яма за деревянной перегородкой в дальнем углу двора. Без подробностей.

Еда два раза в день — каша с салом утром, хлеб и мясо вечером. Иногда что-то с травами, иногда рыба. Приносила та же молодая женщина, что в первый день, — молча, без лишних движений. Сергей научился говорить «спасибо» по-местному на третий день и говорил каждый раз. Она не отвечала — но однажды, недели через две, чуть кивнула.

Это было что-то.

* * *

Ульф поднимал его до рассвета.

Не стучал — просто открывал дверь и говорил одно слово. Сергей уже знал это слово. Вставал.

Двор в предрассветных сумерках — тихий, прохладный. Мишени у стены, бревно в углу, утоптанная земля. Ульф уже стоял посередине — всегда раньше, всегда готов, как будто и не спал вовсе.

Смотрел, как Сергей пересекает двор.

— Медленно, — говорил он по-местному. — Как старуха.

Сергей понимал это уже на третьей неделе. Не отвечал — не потому, что не мог, а потому, что понял: Ульф не ждёт ответа. Это не разговор. Это просто звук, который он издаёт.

Началось как обычно — бег по двору, круг за кругом. Раньше после десяти кругов Сергей останавливался и не мог дышать. Сейчас — двадцать, потом Ульф добавлял ещё пять. Потом ещё.

— Ещё, — говорил Ульф.

Сергей бежал.

Потом — деревянные мечи. Здесь прогресс был медленнее. Тело слушалось лучше, это правда — движения стали чуть точнее, реакция чуть быстрее. Но Ульф не давал привыкнуть. Как только что-то начинало получаться — он усложнял. Менял угол удара, менял темп, добавлял второй деревянный меч в левую руку.

Сергей пропустил удар в плечо — несильный, но точный. Отступил на шаг.

Ульф посмотрел на него. Сказал что-то — длиннее обычного.

— Что? — сказал Сергей по-местному.

— Говорю — дерево тебя не убьёт, — сказал Ульф медленнее. — Настоящий меч убьёт. Думай об этом.

Это была самая длинная фраза, которую Ульф произнёс за все недели.

Сергей думал об этом. Потом снова встал в стойку.

* * *

После мечей — лошадь.

Это тоже стало частью утра, как бег и как меч. Ульф просто кивал в сторону конюшни — без слов, как будто это само собой разумелось.

Первые дни Сергей только и делал, что пытался не упасть на шаг. Потом научился не хвататься за гриву. Потом — сидеть прямо, не думая об этом специально.

Сейчас — третья неделя — Ульф давал ему лошадь и уходил в другой конец двора работать с мишенями. Просто уходил. Лошадь — Сергей уже знал её имя, Нагла, каурая кобыла с характером — понимала, что поводья держит кто-то неуверенный, и пользовалась этим без зазрения совести. Останавливалась, где хотела. Поворачивала не туда. Один раз потянулась к сену у стены, и Сергей едва не съехал вперёд через её шею.

Ульф наблюдал боковым зрением. Иногда говорил что-то — коротко, без интонации. Сергей не всегда понимал слова, но понимал смысл: ноги, спина, руки, не так.

Сегодня он проехал три круга по двору, не потеряв направление ни разу.

Ульф посмотрел на это. Ничего не сказал. Но и не покачал головой — а это, Сергей уже знал, тоже считалось.

* * *

Примерно через месяц он увидел себя.

Во дворе у стены висело старое бронзовое зеркало — тусклое, искажающее, но достаточное. Сергей проходил мимо каждый день и не смотрел. В то утро — посмотрел.

Не узнал сразу.

Тот же — очки те же, нос тот же, уши. Но что-то изменилось в контурах. Лицо стало чуть резче — скулы проявились. Шея стала другой. Плечи — не широкие, не мощные, но уже не те мягкие округлые, что у человека, который всю жизнь провёл в кресле.

Он поднял рубаху. Живот — всё ещё есть. Но меньше. И под ним — что-то начинало проявляться. Очень слабо. Едва.

Он опустил рубаху.

Ульф стоял в стороне и смотрел на него с видом человека, который давно ждал, когда это произойдёт.

— Насмотрелся? — сказал он.

— Да, — сказал Сергей.

— Тогда бегом.

* * *

После полудня — Марина.

Они работали в той же маленькой комнате — стол, две лавки, кувшин с водой. Марина приходила каждый день, иногда дважды. Никогда не опаздывала.

Сегодня Сергей начал сам — без её подсказки, сразу на местном языке. Коряво, с акцентом, но начал:

— Я вижу руны везде. На вывесках. На домах. На воротах.
— Видишь, — согласилась Марина. — И что тебя удивляет?
— Они везде. Как... как обычные буквы.
— Потому что они и есть обычные буквы. — Она отложила кожу с записями. — Здесь руны — это алфавит. Грамотный человек читает их как ты читаешь кириллицу. Торговец пишет ими счета, кузнец — заказы. Это письменность.
— Но они работают. Я видел — женщины чертили в воздухе Лагуз и пошёл дождь.
Марина помолчала секунду.
— Ты видел Лагуз?
— Да. Я знаю руны.
— Знаю, что знаешь. — Она посмотрела на него чуть иначе — оценивающе. — Просто большинство людей из других миров этого не видят. Вообще. Видят, что что-то происходит — не видят знаки.
— Я видел отчётливо. Четыре Лагуза, они вращались.
— Значит, Дар есть, — сказала она просто. — Это другой разговор. — Небольшая пауза.
— Так вот — руны работают и как письменность, и как инструмент. Это разные вещи. Большинство людей умеют первое, единицы — второе.
— Те женщины — они умеют второе?
— Те женщины — ведающие. Сейд — слышал такое слово? — Марина поняла по его лицу, что нет. — Старая магия. Работа со стихиями, с судьбой, с людьми — через транс, через песнь, через ткань мира, которую они чувствуют там, где обычный человек видит просто воздух. Это путь Фрейи, не Одина, и Дар к нему либо есть от рождения, либо его нет вовсе.
— А Хравн?
— Хравн идёт путём Одина. Эриль. — Марина говорила ровно, но Сергей заметил, что она чуть поморщилась — едва, почти незаметно. — Руны напрямую, через волю и понимание, без транса. Жёстче. И откат жёстче — ты уже знаешь, как это выглядит со стороны.
— Ты его не любишь, — сказал Сергей.
Марина посмотрела на него — с лёгким удивлением.
— Я его уважаю, — сказала она. — Это не одно и то же. — Помолчала. — Он сложный человек. Видит людей как... задачи. Которые надо решить или обойти. Иногда это раздражает.
— Ты с ним работаешь.
— Семь лет. — Она снова взяла кожу с записями. — Привыкла.
Сергей смотрел на неё.
— А я? — сказал он наконец. — Я тоже... задача, которую надо решить?
Марина положила записи обратно. Посмотрела на него прямо.
— Сначала — да. Сейчас — не знаю. Это Хравн решает. Не я. — Пауза. — Но то, что ты видел Лагуз, — это что-то значит. Что именно — пока непонятно.

* * *

Хравн пришёл во второй половине дня — без предупреждения, как всегда.
Сергей сидел во дворе и отдыхал после Марины. Хравн вошёл, посмотрел на него секунду, сел рядом на бревно.
Достал из-за пояса камень. Не Альгиз — другой. Положил перед Сергеем.
Совуло. Руна солнца, ясности, энергии.
Сергей взял камень. Закрыв глаза.
Раньше он просто представлял форму — рисовал знак в уме. Сейчас — по-другому. Не форма. Смысл. Совуло — это не солнце, нарисованное на бумаге. Это то, как солнце ощущается на коже после долгого холода. Это ясность, когда долго не мог понять — и вдруг понял.
Камень потеплел.
— Стоп, — сказал Хравн.

Сергей открыл глаза.

Хравн держал камень в руке — смотрел на него долго, потом убрал в сумку. Помолчал.

— Больно? — спросил он.

— Меньше, чем раньше.

Хравн кивнул.

— Почему меньше? Думай.

Сергей подумал. Хравн иногда задавал такие вопросы — не для того, чтобы объяснить, а чтобы проверить, думает ли Сергей сам.

— Тело крепче. Откат тот же — держит лучше.

— Частично. Ещё.

Сергей помолчал.

— Я начал понимать, что делаю, — сказал он наконец. — Раньше просто давил. Сейчас — иначе.

Хравн посмотрел на него. Помолчал — чуть дольше, чем обычно. Что-то в его лице изменилось — едва заметно, на секунду.

— Правильно, — сказал он. Встал. — Завтра. Утром. После Ульфа — ко мне.

Развернулся и пошёл. У ворот двора остановился, не оборачиваясь.

— Тело и руны — одно, — сказал он. — Запомни.

И ушёл.

* * *

Вечером Ульф взял его на пробежку за пределы двора.

Просто кивнул на ворота — за мной. Сергей пошёл.

Город вечером был другим — тише, мягче, запахи другие. Хлеб из пекарен, дым из труб, что-то жареное. Люди шли домой — медленнее, чем днём, с тем особым выражением конца рабочего дня.

Ульф бежал ровно, не быстро — Сергей держался рядом. Мимо рыночной площади, мимо кузни — оттуда ещё доносился звон, кто-то работал допоздна.

У кузни Сергей увидел его.

Мужчина с разбитой губой — зажившей уже, только след остался. Выносил что-то тяжёлое из кузни, нёс к телеге. Рабочая одежда, кожаный фартук. Двигался уверенно — не надломленно, не затравленно. Просто работал.

Почувствовал взгляд — поднял голову. Увидел Сергея.

Секунда.

Они смотрели друг на друга — может, две секунды, может, три. Потом Ульф побежал дальше, и Сергей побежал за ним.

Но через квартал — запах хлеба. Пекарня у перекрёстка, дверь открыта. И в дверях — молодая женщина в переднике, с мукой на руках. С ребёнком у ноги — мальчик лет четырёх, держится за её платье и смотрит на улицу.

Женщина посмотрела на Сергея.

Он посмотрел на неё.

Ребёнок был живой. Розовощёкий, с мукой на щеке — видимо, помогал. Смотрел на пробегающих мимо людей с тем спокойным детским любопытством, которое не знает, чего нужно бояться.

Ульф бежал. Сергей бежал за ним.

Они живы. Оба. Устроились.

Он не ждал, что почувствует это — облегчение, такое острое, что почти болело.

* * *

Ночью он лежал на соломе и смотрел в потолок.

Тело болело — как всегда, фоном. Одеяло грубое, солома жёсткая. За окном — тихий город, редкие голоса, чья-то далёкая песня.

Он думал о женщине с мукой на руках и ребёнке у её ноги. О мужчине, который нёс что-то тяжёлое к телеге и двигался уверенно. О том, что оба они нашли здесь что-то — не дом, наверное, но что-то устойчивое.

Марина нашла. Семь лет назад.

Он не знал, что найдёт он. Не знал ещё, хочет ли искать — или всё ещё надеется, что это временно, что будет какой-то способ вернуться.

Он посмотрел в узкое окно. Краешек неба — тёмный, с несколькими звёздами. Чужие звёзды. Всё те же, никуда не делись.

Он отвёл взгляд.

Но завтра утром придёт Ульф. Потом Марина. Потом — Хравн сказал: после Ульфа, ко мне.

Что-то изменилось.

Он закрыл глаза.

Боль — фоном. Одеяло — грубое. Солома — жёсткая.

Жить можно.

* * *

Прошло ещё два месяца. Может, три — он сбился со счёта в первый же месяц. Лето кончилось незаметно. Однажды утром он вышел во двор и увидел, что трава у стены пожухла, а воздух стал другим — суше, прохладнее. Осень в Хравнланде приходила резко.

* * *

С Ульфом они работали молча — так сложилось само собой. Ульф говорил только, когда нужно было поправить движение или добавить нагрузку. Сергей не спрашивал лишнего. Между ними было что-то вроде договора без слов — ты делаешь, что говорят, я делаю своё дело.

Дело Ульфа он теперь понимал лучше. Ульф не гонял его бессмысленно — строил. Сначала выносливость, потом силу, потом движение. Сейчас — движение. Как переступить, чтобы не потерять равновесие. Как упасть, чтобы встать быстро. Как двигаться так, чтобы следующий шаг уже был готов.

Сергей делал ошибку — Ульф показывал, как правильно. Молча. Иногда говорил что-то — коротко, без интонации. Раньше Сергей не понимал. Теперь понимал почти всегда.

Сегодня они работали с деревянными мечами. Ульф атакował — Сергей отходил, искал угол. Пропустил удар в плечо. Отступил, восстановил стойку.

Ульф посмотрел на него.

— Медленно, — сказал он. — Но лучше, чем вчера.

Это была похвала. По меркам Ульфа — огромная.

Сергей не ответил. Поднял меч.

* * *

После Ульфа — Марина. Но теперь реже. Язык у Сергея уже слушался — коряво, с акцентом, который местные замечали сразу, с неправильными окончаниями и перепутанными падежами. Но слушался. Можно было купить что-то на рынке, объяснить, что болит, понять, что говорит стража.

С Мариной теперь говорили о другом — о мире, о том, как он устроен, о людях.

— Расскажи про ведающих, — попросил он однажды.

Марина посмотрела на него — оценивающе. Потом чуть вздохнула — не раздражённо, скорее как человек, который понимает, что вопрос неизбежный.

— Что именно хочешь знать?

— Рагнхильд — она старшая?

— Старшая жрица обители. Да. — Марина помолчала, как будто решая, с чего начать. — Ведающие держатся отдельно. От конунгов, от эрилей, от всех. Никому не служат — но их зовут. Защита поселения, предсказание, лечение того, что обычный лекарь не вылечит.

— Их боятся?

— Уважают. — Она чуть помолчала. — Хотя разница иногда... небольшая. — Пауза. — Ты её видел в загоне. Она там что-то почувствовала — в тебе. Иначе бы прошла мимо.

— Что почувствовала?

— Не знаю. Она мне не докладывает. — В голосе — лёгкая сухость. Явно тема, которая Марину немного задевает. — Ведающие вообще не очень делятся тем, что видят. Говорят, когда считают нужным.

— Это тебя раздражает.

Марина посмотрела на него — удивлённо. Потом коротко усмехнулась.

— Семь лет здесь, и всё равно раздражает. Да. — Она покачала головой. — Привыкаешь к этому миру, к языку, к людям. А вот к тому, что тебя видят насквозь и не говорят, что именно увидели, — не привыкаешь.

Сергей думал об этом потом. Об уважении, которое немного другое, чем страх. И о том, каково это — семь лет чувствовать, что тебя читают, но не объясняют прочитанного.

* * *

Блок Хравн снял месяц назад. Молча, одним движением, и сказал только: осторожно. Сергей понял это слово хорошо.

Теперь они работали по-другому. Хравн перестал держать его за плечо. Сергей пробовал руны сам — осторожно, медленно, по одной. Откат был, всегда был, но переносился. Тело крепло.

И сам он начал понимать руны иначе. Не как форму. Как смысл, который форма несёт.

* * *

Ошибка с Райдо случилась на пятой неделе работы без блока.

Райдо — руна пути, движения, направления. Сергей понимал её хорошо — или думал, что понимает. Пробовал направить силу наружу, в пространство перед собой. Как вектор. Как стрелу, которая летит туда, куда нужно.

Что-то пошло не так в момент отпускания.

Сила ушла не туда — развернулась, ударила по руке. Сергей почувствовал, как будто кто-то резко выкрутил запястье изнутри. Вскрикнул — коротко, сдавленно. Рука повисла.

Хравн подошёл быстро — посмотрел на запястье, не трогая. Потом взял руку Сергея в обе ладони — аккуратно, поддерживая снизу.

Беркана.

Тепло пришло сразу — мягкое, глубокое. Не то лёгкое тепло, которое Сергей чувствовал, когда сам пробовал Беркану. Другое — насыщенное, точное, как будто кто-то знает, куда именно направить.

Боль не исчезла — уменьшилась. Через несколько минут запястье можно было пошевелить. Не сломано — вывих или сильное растяжение.

Хравн опустил его руку.

— Ты торопился, — сказал он.

— Да, — сказал Сергей.

Хравн посмотрел на него — долго, без спешки.

— Найди, почему, — сказал он наконец. — Сам. Потом скажешь.

Сергей думал об этом потом — лёжа с замотанным запястьем и глядя в потолок. Почему торопился. Не с рукой — это понятно, неверно отпустил. Почему вообще торопился. С рунами. С языком. С лошадью.

Может, потому, что не знает, сколько времени у него есть.

Он не нашёл ответа. Но вопрос лёг и не ушёл.

* * *

С запястьем он провозился неделю. Ульф в это время переключился на ноги и корпус — молча, без комментариев, как будто так и планировалось.

А потом была Хагалаз.

Это была его ошибка — чистая, без оправданий. Хравн показывал Хагалаз как пример того, чего не делать на его уровне. Просто показал — вот эта руна, вот почему сейчас нет. Отложил в сторону.

Сергей смотрел на неё весь день.

Хагалаз — руна разрушения. Град, хаос, сила, которая ломает старое, чтобы дать место новому. Он знал её хорошо — бабушка говорила о ней с уважением, как говорят о чём-то мощном и непредсказуемом. «Хагалаз, Серёженька, это не злая руна. Но она не спрашивает, хочешь ли ты перемен.»

Вечером, когда Хравн ушёл, он остался в комнате один.

Взял камень с Хагалаз.

Просто поддержать. Просто почувствовать.

Он почувствовал сразу — что-то живое, крупное, как будто за тонкой перегородкой стоит что-то очень большое. Не злое. Просто большое и равнодушное к тому, насколько он маленький.

Он не должен был её чертить.

Начертил.

Первую секунду ничего не было. Потом — как будто что-то лопнуло за левым ухом. Резкая боль, мгновенная. Потом тишина в этом ухе — полная, как вата. Потом из носа — кровь, быстро, больше, чем ожидал. Он попытался встать — не смог. Сел обратно, держась за стол. Комната качалась.

Он сидел и ждал, пока пройдёт.

Не проходило.

* * *

Хравн нашёл его через час.

Вошёл, остановился в дверях. Посмотрел на Сергея — на кровь на рубашке, на то, как он держится за стол, на камень с Хагалаз, лежащий рядом.

Долгое молчание.

Потом Хравн подошёл. Сел напротив. Взял его голову в ладони — аккуратно, как берут что-то хрупкое, — и закрыл глаза.

На этот раз не одна руна.

Беркана — тепло, мягкость, успокоение. Потом Совуло — ясность, свет, восстановление. Хравн держал долго — минуты три, может пять. Сергей чувствовал, как что-то постепенно возвращается — сначала звук в ухе, слабый, потом нормальный. Потом боль отступила — не вся, но основная часть.

Кровь из носа уже остановилась сама.

Хравн убрал руки. Сидел и смотрел на Сергея — без выражения. Потом тихо выдохнул — не злость, что-то другое. Усталость, может быть.

— Я сказал — нет, — произнёс он наконец. — Ты слышал.

— Слышал, — сказал Сергей.

— Тогда почему.

Сергей мог соврать. Сказать, что случайно, что просто держал камень. Хравн бы, возможно, не поверил — но принял бы.

— Хотел почувствовать, — сказал он.

Хравн смотрел на него долго.

— Хагалаз не спрашивает, готов ли ты. — Голос ровный, без повышения. — Ты это понял?

— Понял.

— Хорошо. — Хравн встал. Взял камень с Хагалаз, убрал в сумку — молча, привычным движением. Потом остановился. — Это последний раз, когда я тебя лечу после твоей глупости. Следующий раз — лежи и жди, пока само пройдёт. Понятно?

Сергей кивнул, опустив взгляд на руки.

— И ещё. — Хравн посмотрел на него — прямо, устало. — Ты не первый, кто так делает. И не последний. Но некоторые после Хагалаз не встают. — Пауза. — Ты понял, что я сказал, или просто кивнул?

— Понял, — сказал Сергей.

— Хорошо.

Он ушёл. Дверью не хлопнул — просто закрыл.

Сергей сидел в тихой комнате — ухо слышало нормально, голова болела слабо, рубаха была в крови. За окном город готовился ко сну — гасли огни, стихали голоса.

Он думал о том, что сказал Хравн. Не злился — просто сказал как есть. Это последний раз.

Это было по-своему честно.

* * *

Потом пришла зима.

Не сразу. Сначала дожди — холодные, длинные, по три дня кряду. Двор раскис, потом подмёрз, потом снова раскис. Ульф работу не перенёс — только переобул Сергея в другие сапоги. Бег по двору остался. Деревянные мечи остались. Корыто с холодной водой во дворе осталось.

— Холод — это не повод, — сказал Ульф в первый по-настоящему морозный день. — Тело работает всегда.

Сергей не отвечал. Уже знал — это не разговор.

Снег лёг в одну ночь. Утром Сергей вышел во двор — белая ровная плоскость до самой стены, и следы Ульфа от ворот к бревну, единственные. Ульф уже был на месте.

Зима в Хравнланде была долгой.

Сергей научился вставать в темноте и не думать о темноте. Научился различать, какой снег скрипит сухо, а какой проседает мокро. Обнаружил, что у него на руках мозоли в новых местах, и что эти мозоли больше не сходят.

Марина приходила реже. Снег, дороги, у неё были свои дела в городе. Иногда её не было по неделе. Сергей читал сам — она оставляла свитки, он переписывал, проверял слова. К весне знал язык так, что местные понимали его сразу, без переспрашивания. Акцент остался. Об этом он перестал думать.

Хравн зимой уходил в себя. Не в работу — в мысли. Иногда не показывался по три-четыре дня. Сергей в эти дни шёл с Ульфом и тренировался, как обычно. Не спрашивал. У Хравна было своё.

Один раз, в середине зимы, Хравн вышел из башни в холодные сумерки. Сергей чистил снег у крыльца. Хравн постоял, посмотрел.

— Тейваз, — сказал он. — На память.

Сергей выпрямился. Воткнул лопату в сугроб. Снял рукавицу. Начертил.

Стрела вверх. Чистая, ровная, оранжевая на сером воздухе. Держалась дольше, чем когда-либо. Откат — лёгкий, как тёплое дыхание.

Хравн посмотрел. Кивнул один раз.

— Хорошо.

И ушёл обратно в башню.

Это была вся похвала за зиму. Сергей её принял.

* * *

Весна пришла поздно.

Сначала осел снег. Потом отошли края на крышах. Потом ручей под северной стеной зашумел впервые за пять месяцев — Сергей услышал его утром, когда выходил во двор, и стоял несколько секунд, слушая. Звук был знакомый, человеческий, из того мира — весна везде звучит одинаково.

К концу весны во дворе уже была пыль, а не грязь. Сергей оглядел себя — другой человек. Не тот, что лежал в загоне в прошлом мае. Другой.

* * *

Весной Марина пришла с новостями.

Садилась обычно, раскладывала на столе кусок кожи для записей. Сегодня — не сразу. Постояла у окна, посмотрела на площадь.

— Что-то случилось? — спросил Сергей.

— Гонцы, — сказала она. — Вчера поздно. С севера. — Помолчала. — Народ на рынке говорит разное. Но тон другой стал. Чувствуешь такое?

Сергей кивнул. Чувствовал — последние недели что-то менялось в воздухе города. Стража у ворот — те же люди, но смотрят иначе. На рынке разговоры короче, голоса тише. Мелочи.

— Что говорят?

— Что конунг Кнут с севера отказался прислать людей на общий сбор. — Марина наконец села, но кожу с записями не открывала. — Это плохо.

Сергей нахмурился.

— Почему?

— Потому что такого не бывало. — Она посмотрела на него. — Здесь так не делают. Если зовут на сбор — приходят. Это основа. Если кто-то не приходит — значит, он уже по другую сторону.

Сергей думал об этом.

— По другую сторону чего?

Марина помолчала. Потом встала — резко, чуть раздражённо — и подошла к окну снова.

— Не знаю, — сказала она. — И вот это меня беспокоит. Семь лет здесь — и не знаю. — Пауза. — Хравн знает. Рагнхильд знает. Сигурд знает. А мне говорят — продолжай учить мальчика языку.

Она помолчала секунду. Потом обернулась — и в лице было что-то, чего Сергей раньше не видел. Не злость. Что-то ближе к усталости.

— Извини. — Она вернулась к столу, открыла кожу. — Не твоя проблема.

— Нет, подожди, — сказал Сергей. — Тебе не говорят, что происходит?

— Мне говорят то, что считают нужным, — сказала она ровно. — Как всем. — Пауза. — Здесь я полезный человек. Переводчик, учитель. Но не своя. Никогда не буду совсем своей. — Она провела пальцем по кожаному листу. — Это нормально. Я приняла. Просто иногда... — она не договорила.

— Иногда хочется знать, — сказал Сергей тихо.

— Да. — Она подняла взгляд. — Особенно когда чувствуешь, что что-то меняется. А тебе говорят — давай про числа.

Они помолчали секунду.

— Давай про числа, — сказал Сергей.

Марина посмотрела на него. Потом коротко, почти против воли — улыбнулась.

* * *

Вечером Сергей сидел во дворе один.

Ульф ушёл — у него была своя жизнь за пределами этого двора, Сергей знал о ней мало. Хравн был в башне — наверху, ходил по площадке, иногда останавливался. Что он там делал по вечерам — смотрел на звёзды, считал что-то, чувствовал — Сергей не спрашивал.

Почти год. Считать перестал давно.

Он думал о маме. Она не знает, что с ним. Наверное, думает, что он погиб в катастрофе — или ищет ещё, не знает. Он не знал, что хуже. Думает о нём или уже пытается не думать, потому что думать невыносимо. Он не мог выбрать, что из этого правда, и не мог перестать об этом думать.

Он думал о том, каким был торт. Мама делала с вишней — он всегда съедал первый кусок, не отрываясь от экрана, и она уходила спать, и утром оставляла записку «поешь нормально». Он тогда не думал о том, что она уходила спать. Просто не думал. Это было обычным фоном.

Теперь это было самым конкретным, что у него было из дома.

Он думал о Денисе — тот ждал его в Праге. Наверное, уже не ждёт. Наверное, думает то же, что мама.

Он поднял руку и медленно начертил в воздухе Тейваз.

Стрела вверх. Чёткая, угловатая, оранжевая. Подержалась несколько секунд — дольше, чем в начале. Откат — лёгкий, почти незаметный. Привычный уже.

Погасла.

Он смотрел на место, где была руна. Тепло от неё — не осталось. Воздух как воздух. Но что-то в руке ещё держалось — ощущение, что начертил, что сделал, что умеет.

Домой хотелось. Сильно. Это не проходило.

Но и здесь что-то появилось — не дом, не привязанность. Что-то другое. Понимание, может быть. Или просто привычка к этому двору, к этому городу, к голосу Ульфа и молчанию Хравна.

Он не знал, как это называется.

* * *

Конец пятой главы # Глава 6

Хравн сказал ему за три дня до отъезда.

Не спросил — сказал. Вечером, после занятий, коротко: едем на тинг. Возьму тебя как ученика. Это твоё право там быть. Веди себя тихо — и перевёл взгляд на Сергея так, что смысл был понятен без перевода.

Сергей кивнул.

Потом долго лежал и думал, что это значит. Тинг — общий совет. Он слышал это слово от Марины, слышал в разговорах в городе. Что-то большое. Важное. Такое, что происходит не каждый день.

Утром сказал Марине.

Она помолчала секунду — чуть дольше, чем обычно.

— Хравн берёт тебя на Альтинг, — сказала она. — Это не просто тинг. Это общий совет всех конунгов Аскейда. Раз в год. — Она посмотрела на него. — Ты понимаешь, что это значит?

— Нет, — честно сказал Сергей.

— Значит, он считает тебя достаточно своим, чтобы показать.

* * *

Выехали на рассвете. Хравн, Сергей, Эйрик — молодой воин из дружины Сигурда, которого Сергей видел во дворе несколько раз, — и ещё двое воинов постарше. Сигурд ехал отдельно со своими людьми, чуть впереди.

Сергей ехал сам — Нагла шла ровно, привычно, и это было хорошо. Год с лишним каждое утро, и теперь можно было ехать и думать одновременно, не тратить всё внимание на то, чтобы не упасть. Спина к полудню начинала ныть — длинная дорога не то же, что круги по двору, — но он держался прямо и не показывал.

Эйрик поравнялся с ним сразу за воротами города.

— Первый раз на Альтинг? — спросил он по-местному — медленно, вежливо и чётко, как говорят с теми, кто плохо понимает.

— Да, — сказал Сергей.

— Я тоже первый раз. — Эйрик улыбнулся — открыто, без задней мысли. — Отец ездил каждый год. Говорил, что там можно узнать о мире больше, чем за год дома.

Сергей кивнул. Смотрел вперёд — на дорогу, которая уходила из долины вверх, в горы. Хравнборг исчезал за спиной.

* * *

К полудню горы остались позади. Дорога пошла через широкую долину — поля, деревни, реки. Другой воздух — не горный, более мягкий. Деревья другие. Сергей смотрел по сторонам и запоминал.

Эйрик ехал рядом и иногда говорил — негромко, как бы между делом. Про то, что видно вокруг.

— Вон там, — он кивнул на север, где горизонт темнел лесом, — Скельвир начинается. Земли конунга Кнута. Лес там густой, зимой снег по грудь. Кнутовы люди другие — молчаливые, крепкие.

— Кнут едет на тинг? — спросил Сергей.

Эйрик помолчал.

— Нет. Уже второй год не едет. И людей не присылает. — Пауза. — Просто нет, и всё. Никаких объяснений.

Дорога шла дальше. К вечеру они миновали большое село — дворов сто, не меньше. Добротные дома, большие амбары, огороженные поля. У колодца стояли женщины, смотрели на проезжающих.

— Ингард, — сказал Эйрик. — Центральные земли. Здесь живут спокойно — далеко от всех границ.

— Счастливые, — сказал Сергей.

Эйрик посмотрел на него — чуть удивлённо, как смотрят, когда не ожидали услышать именно это.

— Может быть, — сказал он.

На ночлег встали у реки. Развели костры, расставили шатры. Сигурд ужинал отдельно с воинами — Хравн сидел у своего костра, молчал, смотрел в огонь. Сергей устроился рядом с Эйриком.

Они ели молча. Потом Эйрик сказал:

— Ты откуда?

— Другой мир, — сказал Сергей.

Эйрик кивнул — как будто это был обычный ответ.

— Хравн говорил?

— Нет. Но все знают про порталы. — Он помолчал. — У нас в деревне был один такой. Давно, до моего рождения. Говорят, пришёл старик, не знал языка, жил у кузнеца. Потом выучил язык, женился, остался. Правнуки его сейчас — обычные люди.

Сергей смотрел на огонь.

— Обычные, — повторил он тихо.

— Ну да. — Эйрик пожал плечами. — Люди везде люди.

Это была, пожалуй, самая простая и самая странная вещь, которую Сергей слышал за всё своё время в Аскейде.

Он лёг спать поздно — спина ныла от долгой дороги, непривычно, по-другому, чем от тренировок с Ульфом. Он лежал и думал, что завтра снова в седло — и это уже не пугало, просто было фактом.

* * *

На второй день к полудню показалось место тинга.

Сергей увидел его сначала как дым — много дымов, с разных сторон. Потом — шатры. Целый город шатров на широком поле у реки. Не хаотично — по кругу, с проходами между секциями. В центре — большое открытое пространство без шатров. Там стояли длинные скамьи полукругом.

Со всех сторон к полю шли люди — верховые, пешие, с обозами.

— Оружие оставляем здесь, — сказал Хравн, не оборачиваясь. — Все. Без исключений.

У въезда на поле стояли ведающие — не три, как в загоне, десятка два. Одеты одинаково — тёмно-синие плащи, кожаные доспехи, раскраска на лицах. Без мечей. Принимали оружие, складывали в большие сундуки, давали костяные жетоны.

Сергей отдал нож — единственное оружие, которое у него было.

Ведающая взяла нож, посмотрела на Сергея — без интереса, просто профессионально — и дала жетон.

— Нарушение мира тинга, — сказал ему тихо Эйрик, пока они шли дальше, — это позор на весь род. Был случай лет сорок назад — один ярл ударил другого. Его изгнали. Вся семья. Навсегда.

— Навсегда — это серьёзно.

— Здесь много чего серьёзно.

* * *

Шатёр Сигурда поставили в северной части поля — скромный, тёмно-серый, без лишних украшений. Рядом — шатры других конунгов. У каждого свой цвет, свои знаки.

Сергей смотрел и запоминал.

Вестмарк — западное побережье. Шатры синие с серебром. Люди одеты богато — хорошая ткань, металлические украшения. Говорят громко, уверенно.

Ингард — центральные земли. Зелёные шатры, много людей, спокойные.

Скельвира не было.

Ни шатра, ни людей — просто пустое место там, где должна была стоять их часть поля. Сергей посмотрел, запомнил.

Шатра Дорантхейма тоже не было.

Эйрик увидел, что Сергей это заметил.

— Виггар не приехал, — сказал он тихо. — Второй год.

Сергей кивнул. Посмотрел на пустое место Скельвира. Спросил тихо:

— А Кнут?

— Тоже. — Эйрик помолчал. — Только про Дорантхейм говорят. Про Скельвир — молчат.

Хравн слышал — не повернулся, но что-то в его спине изменилось. Чуть.

* * *

Сигрун появилась перед началом.

Сергей не сразу понял, что это она — Верховная Ведающая. Маленькая женщина в сером, белые волосы убраны под простой платок, никакой раскраски — только тонкие линии — белые и золотые — на скулах. Шла через поле медленно, без свиты. Люди расступались сами — не потому, что кто-то командовал, просто расступались.

Она остановилась у центрального пространства. Подняла руку.

Шум лагеря стих — постепенно, как стихает море после шторма.

— Альтинг открыт, — сказала она негромко.

Все услышали.

* * *

Сергей стоял у края скамей — сзади, там, где стояли ученики и молодые воины. Слушал.

Понимал не всё. Язык на тинге был другой — более формальный, с оборотами, которых он не знал. Но общий смысл — схватывал.

Сначала — обычное. Торговые пути, споры о границах, земельные вопросы Ингарда. Сигрун вела ровно — давала слово, принимала ответ, двигала дальше.

Потом встал представитель Бьёрна — молодой человек, хорошо одетый, с уверенным лицом. Лейф. Сергей узнал по описанию — сын конунга Вестмарка.

Лейф говорил хорошо. Сергей слушал и невольно отмечал — структура речи правильная. Сначала уважение к традиции, потом признание её силы, потом — осторожный вопрос. Не нападение. Вопрос. Всё вежливо. Всё разумно на первый взгляд.

Суть — Сергей складывал из слов, которые понимал и которые угадывал: конунг и ярл отвечают за войну, за защиту, за суд. Это их долг, их честь. Но когда народ призывает нового ярла — теряется время. Новый человек не знает земли, не знает людей, не знает врагов на границе. Враг не ждёт, пока вече договорится. Разве не лучше, если сын ярла — который вырос на этой земле, знает каждый брод и каждую деревню, — встанет рядом с отцом и примет от него всё, что тот знает? Не отменяя вече. Просто — право сына быть первым среди тех, кого могут призвать.

Это звучало разумно. Сергей слушал и чувствовал, что что-то не так — но не мог сразу назвать, что.

Несколько конунгов кивали.

Потом понял.

Быть первым среди тех, кого могут призвать, — не то же самое, что быть одним из них. Если сын всегда первый — вече теряет выбор. Остаётся только право сказать да. А право, которое всегда говорит да, — это уже не выбор.

Сигурд сидел неподвижно. Лицо закрытое.

Хравн рядом с ним — тоже. Но пальцы на колене сжались чуть сильнее.

Сигрун дала Лейфу договорить. Потом дала слово Сигурду.

Сигурд встал. Говорил коротко — Сергей понял почти всё.

— Конунг и ярл служат земле. Не земля им. Сын, который вырос на этой земле, — хорошо. Пусть служит. Пусть докажет, что достоин. Вече призовёт достойного. Так было всегда. Изменить это — значит сказать, что земля служит ярлу. Этого не будет, пока я жив.

Сел.

Тинг зашумел — не согласно и не несогласно, как зал, который слышит что-то важное и не знает ещё, что думает.

Сигрун подняла руку. Тишина.

— Альтинг не принимает решений сегодня по этому вопросу, — сказала она ровно. — Решения требуют времени.

Лейф сел. Лицо спокойное — но Сергей видел, как он смотрит на других конунгов. Считает. Кто кивал, кто нет.

И Сергей увидел ещё кое-что.

Один из старейшин Ингарда — пожилой человек в зелёном — после того, как Лейф сел, чуть наклонился к соседу и сказал что-то. Тихо. Сосед кивнул.

Маленькая деталь. Может, ничего.

Сергей запомнил лицо старейшины.

* * *

После тинга — лагерь жил. Люди ели, разговаривали, договаривались о торговле. Молодые воины из разных хередов смотрели друг на друга — оценивающе, без враждебности. Эйрик ушёл знакомиться с кем-то из Ингарда.

Сергей ходил и смотрел.

У шатра Вестмарка Лейф разговаривал с двумя людьми, которых Сергей не узнал — не конунги, одеты просто, но держатся уверенно. Разговор короткий, деловой. Лейф кивнул, они разошлись.

У водопоя Сергей заметил того старейшину из Ингарда — снова говорил с кем-то. На этот раз с человеком в вестмарских цветах.

Два раза — это уже не случайность.

Он нашёл Хравна у костра — тот сидел один, смотрел в огонь. Рядом стояла кружка, нетронутая.

— Хравн. — Сергей остановился рядом. — Можно?

Хравн не сразу ответил. Потом кивнул — коротко, не поднимая взгляда от огня.

Сергей сел. Помолчал секунду — собирал слова, как всегда, когда нужно было сказать что-то важное на чужом языке.

— Старейшина из Ингарда. Зелёный плащ, седая борода. Я видел его два раза. Оба раза говорил с людьми Вестмарка. Первый раз — сразу после речи Лейфа. Второй — у водопоя, час назад.

Хравн поднял взгляд от огня. Посмотрел на Сергея — коротко, оценивающе.

— Дальше.

— В моём мире, — продолжал Сергей, — когда кто-то хочет изменить правила — сначала работают с нейтральными. Не с союзниками. С теми, кто ещё не выбрал сторону. Потому что союзники уже есть. А нейтральные — это голоса, которых не хватает.

Долгое молчание. Хравн смотрел на него — дольше, чем обычно. Потом снова перевёл взгляд на огонь. Кивнул — медленно, один раз.

— Старейшину зовут Торбранд, — сказал он после паузы. — Уважаемый человек. Был честным всегда. — Пауза. — Или казался.

— Ты его знаешь?

— Двадцать лет знаю. — Хравн взял наконец кружку, отпил. — Это и плохо.

Они сидели молча несколько минут. В соседнем лагере кто-то смеялся — громко, беззаботно.

— Ты правильно сделал, что сказал, — произнёс Хравн наконец. Тихо. — Хорошо, что сказал именно мне.

* * *

Обратная дорога заняла те же два дня.

Эйрик ехал рядом — теперь говорил больше, расспрашивал про другой мир. Не про магию — про людей, про города, про то, как там живут. Сергей отвечал как мог, на ломаном языке.

Спина болела меньше, чем в первый день пути — или он привык. Нагла шла ровно, знала дорогу лучше него, и это уже не раздражало, а было просто удобно.

— У вас есть конунги? — спросил Эйрик.

— Есть. По-другому называются. — Сергей подумал. — Одних выбирают — голосуют за них люди. Других не выбирают — наследуют по праву рождения.

Эйрик хмыкнул.

— И которые лучше?

— Смотря кто попадётся. — Пауза. — Но тот, кто знает, что его могут скинуть, — хотя бы думает об этом. Боится опозориться. У наследного такого страха нет — куда денется, он уже там.

Эйрик помолчал — обдумывал.

— У нас тоже спорят об этом. Ты слышал на тинге.

— Слышал.

Эйрик повернулся в седле.

— И что думаешь?

Сергей посмотрел на него — Эйрик спрашивал серьёзно, без подвоха.

— Думаю, что власть без страха её потерять — это плохо кончается. Не сразу, но кончается.

Эйрик долго молчал. Потом кивнул — медленно, как кивают, когда слова совпали с тем, что давно думал сам, но не мог сформулировать.

— Отец говорил примерно то же самое, — сказал он. — Только по-другому.

На второй день к вечеру показались горы Хравнланда.

— Дома, — сказал Эйрик.

Сергей посмотрел на горы. Потом на город, который появлялся из-за перевала — тёмные стены, башни, дымки над крышами.

Дома.

Слово было неправильным. Дом был в Риге, дом — это мама, и торт на день рождения, и экран компьютера в темноте. Но что-то в том, как он подумал это слово, было другим, чем раньше. Не тоска. Не радость. Что-то среднее — узнавание, может быть. Как узнаёшь место, где уже бывал, даже если оно не твоё.

Он не стал думать об этом дальше. Просто ехал.

* * *

Той же ночью он пошёл к Хравну.

Первый раз сам — без вызова, без повода кроме собственного решения. Поднялся в башню, постучал.

— Войди.

Хравн сидел у стола с картой — той самой, которую Сергей видел в первый день. Поднял взгляд.

Сергей сел напротив. Помолчал. Потом сказал:

— Марина говорила мне про одного человека в городе. Ремесленник, она давно его знает. Говорит, что он изменился. Не враждебный — просто другой. Говорит не то, что раньше. Смотрит не так.

Хравн слушал.

— Я думал об этом всю дорогу, — продолжал Сергей. — Про Торбранда на тинге. Про этого ремесленника. Про Дорантхейм, который не приехал. — Пауза. — Это не снаружи идёт. Оно уже здесь. В городе.

Тишина.

Хравн смотрел на карту. Провёл пальцем по линии восточной границы — от Дорантхейма к Хравнланду. Медленно.

Потом поднял взгляд.

— Как зовут ремесленника?

— Не знаю. Марина знает.

Хравн кивнул. Встал. Подошёл к окну — ночной город за стеклом, редкие огни.

Молчание затянулось. Сергей уже думал, что разговор закончен — встал было.

— Подожди, — сказал Хравн.

Сергей сел обратно.

Хравн стоял у окна, спиной к нему. Молчал ещё секунду-две — как будто решал, стоит ли говорить.

— То, что ты делаешь, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Замечаешь. Складываешь. Понимаешь раньше других. — Пауза. — Это тоже Дар. Другой — но Дар.

Сергей не ответил.

Хравн обернулся — коротко, через плечо. Посмотрел на него секунду. Потом:

— Иди спать. Завтра рано.

* * *

Сергей спускался по лестнице башни и думал о том, что сказал Хравн.

Дар.

Он никогда не думал об этом так. Он просто замечал детали — всегда, с детства, в играх и в жизни. Это была просто привычка. Способ смотреть на мир.

Оказывается, здесь это называлось иначе.

За окном — ночной Хравнборг. Тихий, тёмный, живой. Где-то в этом городе жил ремесленник, который изменился. Где-то далеко на востоке молчал Дорантхейм. В центральных землях Ингарда уважаемый человек по имени Торбранд говорил с людьми Вестмарка чуть дольше, чем нужно.

Детали. Паттерны. Система.

Он видел это.

И завтра он пойдёт к Сигурду.

* * *

Конец шестой главы # Глава 7

Хравн разбудил его до Ульфа.

Сергей открыл глаза — за окном ещё темно, только край неба светлеет. Хравн стоял в дверях, уже одетый, при мече.

— Вставай. Идём к Сигурду.

Сергей встал. Умылся быстро, натянул рубаху. Голова была ясная — выспался хорошо, первый раз за долгое время.

В длинном доме конунга в такой час было тихо. Стражник у входа кивнул Хравну — знает, пропустил. Прошли через пустой зал, очаг ещё не разожгли, пахло золой и старым деревом. Хравн постучал в боковую дверь.

— Войди.

Сигурд сидел за небольшим столом у окна — светало, он читал что-то при лампе. Поднял взгляд. Посмотрел на Сергея — коротко, оценивающе — и на Хравна.

— Говори.

Хравн говорил коротко. Про ремесленника, которого знает Марина. Про то, как изменился — не враждебный, просто другой. Говорит не то, смотрит не так. Марина знает его восемь лет.

Сигурд слушал, не перебивая.

— Имя, — сказал он, когда Хравн закончил.

— Бьярни. Кузнец с северной улицы.

— Знаю его. — Сигурд помолчал. — Тихий человек. Хороший мастер. — Пауза. — Давно изменился?

— Марина говорит — недели три. Может, четыре.

Сигурд встал. Прошёлся по комнате — медленно, руки за спиной. Остановился у окна. За стеклом светало над городом — крыши, дымки, башня у западных ворот.

— Бьярни, — сказал он. Не вопрос. Просто произнёс имя — как будто примерял к нему что-то новое, неприятное. — Я его знаю двадцать лет. Отец его знал. — Пауза. — Хороший мастер. Тихий человек.

Потом повернулся от окна — резко, как человек, который принял решение.

— Ещё кто-то заметил?

— Нет. Только она.

— Значит, либо она ошибается — либо мы все слепые. — Он посмотрел на Сергея — прямо, без предисловий. — Ты как заметил? Ты его не знаешь.

Сергей помолчал секунду. Потом сказал по-местному — медленно, подбирая слова:

— Марина рассказала. Я слушал и думал. Про Торбранда на тинге. Про Дорантхейм. Про Бьярни. Это одно и то же. Маленькие изменения. Сначала в людях — потом в решениях, которые они принимают.

Сигурд смотрел на него долго.

— Ты видел это раньше? В своём мире?

— В книгах по истории. В играх. — Сергей подумал, как объяснить. — Большие вещи всегда начинаются с маленьких. Сначала один человек говорит чуть-чуть не так. Потом второй. Потом это уже норма. Потом никто не помнит, как было раньше.

Тишина.

Сигурд повернулся к Хравну.

— Бьярни. Присмотреть. Тихо — не спугнуть, не арестовать. Просто смотреть.

— Сделаю.

— И Марина — скажи ей, что она хорошо сделала, что сказала. — Сигурд снова посмотрел на Сергея. — И ты.

Сергей кивнул.

Сигурд уже отворачивался к окну — разговор закончен — но потом остановился.

— Хравн. Он остаётся у тебя?

Хравн выдержал паузу — ту особую, когда человек решает что-то прямо сейчас.

— Остаётся, — сказал он.

— Хорошо.

Они вышли. В зале Сергей остановился — не смог не спросить:

— Это было решение? Про мою судьбу?

Хравн шёл вперёд.

— До конца зимы ты учишься. Потом посмотрим, что из тебя вышло. — Пауза. — Это не подарок. Это условие.

— Понял.

— Хорошо. — Ещё пауза. — Ульф сегодня после полудня. Утро свободное.

Сергей остановился.

— Совсем свободное?

Хравн не обернулся.

— Не теряй голову.

* * *

Эйрик ждал у ворот. Опираясь на столб, грыз какую-то травинку, смотрел в небо с видом человека, у которого есть план.

— Знал, что будет свободное утро, — сказал он.

— Откуда?

— Хравн всегда даёт время после серьёзного разговора. Говорит, что голова должна отдыхать, иначе плохо варит. — Эйрик выплюнул травинку. — Ты эль пил когда-нибудь?

— Пиво пил.

— Близко. Пошли.

* * *

Таверна называлась «У трёх воронов» — Сергей прочитал вывеску сам, криво, но прочитал, и почувствовал гордость — больше, чем стоило.

Внутри было шумно, тепло, пахло дымом и жареным мясом. Длинные столы, скамьи, огонь в очаге. Народу — много, в основном молодёжь, хотя были и постарше. Несколько женщин разносили кружки. В углу двое играли на чём-то струнном, не очень умело, но бодро.

Сергей остановился в дверях. Смотрел.

— Чего встал? — Эйрик толкнул его плечом. — Не кусаются.

— Я просто давно не был в таком месте. Где никто никуда не бежит.

— В таверне?

— Ну да. — Сергей смотрел на людей за столами. — Просто сидят.

Эйрик посмотрел на него. Потом кивнул — серьёзно, без насмешки.

— Пошли. Я знаю, где садиться.

Они нашли место в середине — не у стены, не у двери. Эйрик объяснил: у стены сидят те, кто хочет наблюдать, у двери — те, кто хочет уйти быстро, в середине — те, кто пришёл надолго.

— Ты часто сюда ходишь? — спросил Сергей.

— Когда отец пускает. — Эйрик окликнул проходящую женщину и показал на их стол — два. — Он думает, что я здесь трачу деньги и теряю голову.

— А ты?

— Трачу деньги — да. Голову — нет. — Он улыбнулся. — Иногда.

Принесли эль. Сергей попробовал — горькое, тёплое, совсем не похожее на то, к чему привык. Но после нескольких глотков стало лучше.

— Расскажи про свой мир, — сказал Эйрик.

— Что именно?

— Всё. — Он подумал секунду. — Там правда нет богов?

— Есть религии. Много. Но... — Сергей подбирал слова. — Боги не появляются. Не открывают порталы. Люди верят, но не видят.

Эйрик нахмурился — не недовольно, скорее озадаченно.

— Совсем не видят?

— Совсем.

— И как тогда... — он запнулся. — Как вы вообще знаете, что они есть?

— Верим. — Сергей пожал плечами. — Или не верим. Каждый сам.

— Странно, — сказал Эйрик. — То есть вообще без подтверждения?

— Да.

— И вы так живёте?

— Несколько тысяч лет уже.

Эйрик покрутил кружку. Видно было, что это не укладывается у него в голове — не потому, что глупый, просто совсем другой мир.

— У нас тоже не все видят, — сказал он наконец. — Большинство не видит. Но Хравн видел — он говорит. И Рагнхильд. И Сигрун точно — она знает такое, что обычный человек знать не может.

— Ты боишься богов?

— Нет. — Эйрик ответил сразу, без раздумий. — Уважаю. Это разное.

— А Хравна боишься? — спросил Эйрик.

— Нет, — сказал Сергей. Потом подумал. — Иногда уважаю. Это разное, да.

Эйрик засмеялся — неожиданно громко, запрокинув голову.

— Хорошо сказал. — Вытер глаза. — Хорошо.

* * *

Через час Сергей уже понимал, что эль в этом мире был крепче, чем он думал, а местные слова от этого почему-то находились легче. По крайней мере, ему так казалось.

— Расскажи про девушку, — сказал он.

Эйрик немедленно сделал вид, что очень заинтересован своей кружкой.

— Какую девушку.

— Которая дочь кузнеца. Ты упоминал.

— Я не упоминал.

— Упоминал. В дороге. Сказал «есть одна» и замолчал.

Эйрик посмотрел на него с видом человека, который понял, что отпираться бессмысленно.

— Астрид, — сказал он. — Дочь Кетиля-кузнеца. — Пауза. — Она меня не замечает.

— Совсем?

— Совсем. Смотрит сквозь меня, как сквозь пустое место. Я полгода пытаюсь. — Он отпил. — Один раз помог ей донести корзину с рынка. Она сказала «спасибо» и ушла. Всё.

Сергей сочувственно покивал.

— У нас это называется... — Сергей помедлил, подыскивая слова. — Когда девушка видит тебя как друга. Хорошего. Но не как мужчину, которого хочет.

Эйрик нахмурился.

— То есть?

— То и есть. Друг — это конец.

Эйрик уставился в стол. Переварил.

— Это плохо?

— Да.

— Как выйти?

— Не знаю. Это сложно. Иногда никак.

Эйрик помолчал. Потом поднял кружку.

— За Астрид, которая меня не замечает.

— За Астрид, — согласился Сергей.

Они выпили.

* * *

Девушку звали Сигрид — Сергей узнал это уже потом.

Она появилась сама — просто подошла к их столу и спросила что-то у Эйрика, который явно её знал. Они поговорили коротко, потом Эйрик кивнул на Сергея и сказал несколько слов. Сергей разобрал только «из другого мира» и «с Хравном».

Сигрид посмотрела на Сергея с любопытством — открытым, без стеснения.

— Ты правда из другого мира? — спросила она.

— Правда.

— Как там?

— По-другому, — сказал Сергей. — Похоже и по-другому одновременно.

— Это как?

— Люди те же. Всё остальное другое.

Она засмеялась — коротко, звонко. Сергей не совсем понял, что смешного, но тоже улыбнулся.

— Тебя как зовут?

— Сергей.

— Сер-гей, — повторила она медленно, пробуя звук. — Странное имя. Красивое.

Эйрик рядом смотрел в кружку с видом человека, который думает об Астрид.

Сигрид ещё немного постояла, они поговорили — Сергей путался в словах, один раз вместо «мне нравится этот город» сказал что-то вроде «этот город меня ест» — она долго смеялась, объясняя, где он ошибся, он смеялся вместе с ней. Потом её позвали подруги, и она ушла — но обернулась у двери.

Сергей смотрел ей вслед.

— Она тебя заметила, — сказал Эйрик в кружку.

— Я просто разговаривал.

— Именно. — Эйрик наконец оторвался от кружки. — Ты знаешь, что ты сделал?

— Что?

— Ты не пытался произвести впечатление. Ты просто говорил. Женщины это любят. — Он помолчал. — Ненавижу.

* * *

Торбьёрн появился примерно через час.

Сергей его сразу заметил — высокий, широкоплечий, с самодовольным лицом человека, привыкшего, что в любой комнате он главный. Пришёл с двумя приятелями, сел за соседний стол, громко засмеялся чьей-то шутке.

Потом заметил Сергея.

Взгляд задержался. Что-то в нём изменилось.

Эйрик это тоже заметил — чуть напрягся, не сильно, но Сергей уже умел читать такие вещи.

— Кто это? — тихо спросил Сергей.

— Торбьёрн. Сын Магнуса из дружины. — Эйрик не отрывал взгляда от кружки. — Он видел, как Сигрид с тобой разговаривала.

— И что?

— Он за ней ухаживает.

— Успешно?

Эйрик усмехнулся в кружку.

— Примерно как я за Астрид.

Они помолчали.

— Нам уходить? — спросил Сергей.

— Не обязательно. Но может и да.

Они не ушли.

Торбьёрн подошёл минут через десять. Встал рядом, сверху вниз смотрел на Сергея. Сказал что-то — медленно, с нехорошей интонацией.

Сергей понял не всё. Но понял достаточно.

— Что он сказал? — тихо спросил он у Эйрика.

— Что пришельцам из чужих миров не стоит смотреть на местных девушек.

— А ты что скажешь?

— Я скажу, что это его проблема, а не правило, — сказал Эйрик ровно. — Но это сделает его злее.

Сергей поставил кружку на стол.

Встал.

Торбьёрн был на голову выше и килограммов на двадцать тяжелее. Год с лишним у Ульфа этого не отменял. Но Сергей встал и смотрел прямо. Не потому, что не боялся. Просто потому, что в какой-то момент устал сидеть.

— Я понял тебя, — сказал он по-местному, медленно, с акцентом. — Я слышал. Я не согласен.

Торбьёрн засмеялся — неприятно, для приятелей.

Потом толкнул Сергея в плечо. Несильно — проверочно.

Сергей не упал. Год с Ульфом — это год работы над тем, чтобы не падать от первого толчка. Он отступил на полшага, восстановил равновесие, снова посмотрел прямо.

Торбьёрн удивился — едва заметно. Ожидал другого.

Толкнул сильнее.

Сергей поймал его руку — не умело, не красиво, просто рефлекс, который Ульф вбивал в него месяцами. Поймал запястье, отвёл в сторону. Не бросок, просто отвод.

Торбьёрн разозлился по-настоящему. Замахнулся.

И вот тут что-то случилось.

Сергей не думал об этом. Он вообще ни о чём не думал — просто чувствовал, что сейчас прилетит и уклониться не получится. Что-то внутри — то самое, что он больше года учился чувствовать в башне Хравна, — вспыхнуло само.

На правой руке Сергея — на тыльной стороне ладони — появилась руна.

Тейваз.

Стрела вверх. Оранжевая, чёткая, яркая — куда ярче, чем обычно получалось у Сергея. Держалась секунды три. Может, четыре.

В таверне стало тихо.

Торбьёрн смотрел на светящийся знак на руке Сергея. Лицо его изменилось — злость ушла, пришло что-то другое. Он сделал шаг назад. Потом ещё один.

Руна погасла.

Сергей почувствовал знакомое — голова чуть поплыла, за висками тянуло. Небольшой откат. Он стоял прямо и старался, чтобы это не было заметно.

Торбьёрн посмотрел ещё раз — на руку, на лицо Сергея, снова на руку. Потом повернулся и пошёл к выходу. Приятели за ним.

Таверна молчала ещё секунд пять.

Потом зашумела снова — сразу, как будто кто-то повернул ручку.

Эйрик сидел и смотрел на Сергея.

— Ты это специально сделал? — спросил он тихо.

— Нет, — честно сказал Сергей. Сел. Взял кружку. — Само вышло.

— Само, — повторил Эйрик. Помолчал. — Хравн узнает.

— Знаю.

— Жив?

— Голова гудит. Пройдёт.

Эйрик кивнул. Отвернулся. Потом снова посмотрел — с каким-то новым выражением, которое Сергей не сразу определил.

Уважение. Не то что от силы — другое. От чего-то ещё.

— У нас говорят, — сказал Эйрик, — что Тейваз выбирает сам, кому помочь. Не человек руну — руна человека.

— Это правда?

— Не знаю, — сказал Эйрик. — Но красиво звучит.

Они допили эль молча. Хорошее молчание — то, которое бывает, когда двое уже не чужие.

* * *

Хравн ждал.

Сергей увидел его в дверях башни — стоял, руки сложены, смотрит. Успел подумать: вот и всё, сейчас будет.

— Слышал, — сказал Хравн, прежде чем Сергей открыл рот.

— Ещё бы, — сказал Сергей.

— Войди.

Они сели — Хравн у стола, Сергей напротив. Лампа между ними, за окном тёмный город.

— Тейваз, — сказал Хравн. — Неосознанно.

— Да.

Хравн чуть наклонил голову.

— Больно?

— Немного. Прошло уже.

Хравн помолчал. Смотрел на него — долго, с тем выражением, которое Сергей уже научился читать. Не злость. Что-то сложнее.

— Это плохо и хорошо одновременно.

— Плохо — понятно. А хорошо?

— Хорошо — значит руна тебя знает. Связь есть. Глубокая. — Хравн смотрел на него. — Плохо — ты не контролировал. Неконтролируемая руна опасна. Для тебя. Для тех, кто рядом. — Пауза. — Там были люди.

— Я знаю.

— Ты мог их задеть. — В голосе — не крик, не повышение, но что-то твёрдое, настоящее. — Тейваз в неконтролируемом выбросе — это не свечение. Это удар. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Нет, — сказал Хравн. Ровно. — Пока не понимаешь. Когда поймёшь — будет уже поздно что-то объяснять. — Он встал, прошёлся по комнате. Потом остановился. — Тейваз — руна воина. Руна жертвы ради правого дела. — Пауза. — Она выбрала тебя. Не ты её. Это не комплимент — это ответственность. Понимаешь разницу?

Сергей думал секунду.

— Понимаю.

— Хорошо. — Хравн помолчал ещё. — Ульф будет гонять вдвое жёстче. Тело в панике — руны в панике. Это не теория. Это то, что ты сегодня показал.

Сергей молчал.

Хравн остановился. Взвесил что-то. Потом:

— Торбьёрн испугался. Это правильно. — Едва заметная пауза. — Но в следующий раз попробуй испугать его кулаком. Кулак действует не хуже. И даром.

Сергей посмотрел на него.

— Это была шутка?

Хравн уже шёл к лестнице.

— Спать. Завтра Ульф.

Сергей сидел ещё минуту в тишине. За окном — ночной Хравнборг, редкие огни. Где-то там Эйрик шёл домой. Где-то — Сигрид, которая обернулась у двери. Где-то — Торбьёрн, который ещё не решил, как он к этому относится.

Голова почти не болела. Тейваз держался долго — дольше, чем обычно. Ярче, чем обычно.

Руна выбрала тебя.

Сергей посмотрел на правую руку. Ничего — обычная кожа, мозоли от Ульфа, старый порез на среднем пальце.

— Ладно, — сказал он вслух. — Договорились.

Встал и пошёл спать.

* * *

Конец седьмой главы # Глава 8

Лето второе.

Сергей встретил его иначе, чем первый. Первый прошёл мимо — он был в загоне, потом в кладовой Сигурда, потом в своих кругах по двору с Ульфом. Второй был другим. Знал, в какой день у города начинается ярмарка. Знал, где у реки купаются мальчишки. Знал, что в июле трава у западной стены выгорает раньше, чем у северной, потому что там целый день солнце.

Это была не привязанность. Это было знание. Тоже что-то.

* * *

Гонец приехал ночью.

Сергей спал — узнал утром от Марины, которая уже всё знала. Халльвард, отец Эйрика, херсир и лендрман южного рубежа, тяжело ранен на форпосте Скейдвир. Эриль форпоста — тоже. Южане активизировались, стычки участились, людей не хватало.

Конунг Сигурд послал Хравна.

Хравн взял Сергея — коротко, без объяснений. Собирайся. Эйрик напросился сам.

* * *

Они выехали на рассвете — Хравн, Сергей, Эйрик и четверо воинов из дружины. Сергей смотрел, как Эйрик садится в седло — движения привычные, быстрые, но лицо закрытое. Не такое, как в таверне. Другой человек.

Сергей седлал Наглу сам — уже не думая об этом, руки делали сами. Нагла стояла терпеливо, только ухом повела, когда он затягивал подпругу. Они с ней достигли чего-то вроде перемирия за этот год: она не пыталась его сбросить, он не делал резких движений.

Дорога шла на юг.

Первый день — горы. Хравнборг остался за спиной, дорога петляла между скалами, воздух был прохладным и чистым. К вечеру горы начали расступаться.

На второй день — другая земля. Склоны стали положе, лес редел, трава менялась — не жёсткая горная, а длинная, степная, чуть рыжеватая. Земля краснела — камень здесь был другого цвета, тёплого, глиняного. Воздух стал плотнее, теплее.

Спина у Сергея к концу второго дня болела иначе, чем обычно — не от Ульфа, не от двора. От долгой дороги, от часов в седле без передышки. Он держался прямо и не говорил об этом.

— Сольримские предгорья начинаются там, — сказал Хравн на второй день, когда они остановились у реки. Кивнул на юг — там горизонт синел далёкими хребтами. — Скейдвир стоит у перевала. Держит дорогу.

— Давно держит? — спросил Сергей.

— Поколений пять. Отец Халльварда там служил. И его отец.

— Семейное.

— Да. — Хравн помолчал. — Халльвард хорошо знает эту границу. Знает, как южане воюют, когда воюют. Если он говорит, что что-то изменилось — значит, изменилось.

— Они всегда нападали?

— Не всегда. Бывали годы без единой стычки — торговля, обмен, даже браки случались. — Хравн смотрел на реку. — Это старый порядок. Не дружба, не война. Граница. Каждый знает своё место. — Пауза. — Что-то этот порядок сломало.

Эйрик сидел отдельно, у другого камня, и ел молча. Сергей посмотрел на него — поймал взгляд, кивнул. Эйрик кивнул в ответ. Больше ничего.

На третий день они увидели Скейдвир.

* * *

Форпост стоял на уступе у перевала — именно поэтому здесь, а не где-то ещё. Перевал был единственным удобным проходом через горный кряж между севером и югом. Контролируй перевал — контролируй всё движение: торговые обозы, гонцов, войска. Всё шло через эту дорогу.

Скейдвир был не маленьким. Каменные стены с зубцами, две угловые башни, широкие ворота, окованные железом. За воротами — длинные казармы, конюшня, кузня, склады с зерном и оружием. Запах дыма, жареного мяса, конского навоза. Дворов тридцать в деревне за форпостом — кормили гарнизон, торговали с путниками. А дальше, в широкой долине за перевалом, — ещё три-четыре села, поля, пастбища. Земли Халльварда. Свободные бонды этих сёл платили ему подать и выставляли воинов в ополчение, но жили своим умом, голосовали на тинге, как и все.

Именно за них он здесь стоял. Не просто форпост — весь этот рубеж с людьми и землёй за ним.

Их встретил херсир Свейн — немолодой воин с усталым лицом и перевязанной левой рукой. Поклонился Хравну коротко, уважительно.

— Халльвард здесь. Живой. Говорит пока. — Пауза. — Но ненадолго хватает сил.

Эйрик пошёл быстрее.

* * *

Халльвард лежал в боковой комнате — на низком ложе, укрытый шерстяным одеялом. Немолодой человек, крепкий в кости — это было видно даже сейчас. Лицо серое, дышит тяжело.

Эйрик сел рядом. Взял отца за руку. Молчал.

Халльвард открыл глаза — увидел сына, и что-то в лице изменилось. Не улыбка — что-то тише.

— Приехал.

— Приехал.

— Хравн с тобой?

— Да.

— Хорошо. — Халльвард закрыл глаза. — Хорошо.

Сергей стоял у двери. Потом вышел — незачем там быть.

* * *

Свейн рассказывал вечером у огня. Хравн слушал, Сергей рядом.

— Первый раз месяц назад. Небольшой отряд, прощупывали границу — обычное дело. Отогнали, потери небольшие. — Свейн отпил из кружки. — Через две недели — снова. Уже больше, и по-другому. Не быстрый набег — давили, держали позицию. Это не их манера.

— Потери? — спросил Хравн.

— Трое убитых. Халльвард и Вигрид получили в третьей стычке, пять дней назад. — Свейн помолчал. — Вигрид — эриль наш. Не встаёт.

— Видел его уже, — сказал Хравн. — Выживет.

— Боги дадут. — Свейн смотрел на огонь. — Хравн. Я двадцать лет на этой границе. Знаю, как южане воюют. Быстро, умно, берут своё и уходят. Но вот так — давить, стоять, возвращаться — это не они.

— Кто-то их подтолкнул.

— Думаю, да. Только не знаю, кто и чем.

Хравн молчал долго.

— После тинга, — сказал он наконец, себе, не Свейну. — Они знали, что конунги не договорились. Что порознь.

Свейн посмотрел на него — понял, кивнул медленно.

Сергей слушал и думал. Один план. Одна рука. Внутри — раскол. Снаружи — давление. Одновременно.

* * *

Нападение случилось на вторую ночь.

Сергей не спал — лежал и слушал ночь. Смена стражи, редкие голоса, лошади в конюшне. Потом — крик. Потом ещё, с другой стороны.

Он был на ногах раньше, чем понял, что делает. Меч в руку — раньше, чем успел подумать.

Во дворе — темнота и хаос сразу. Факелы на стенах горят, но от них только тени везде. Кто-то кричит команды, воины бегут в разные стороны. Лязг с севера, лязг с востока, откуда-то сверху со стены — тоже крики. Нападение шло сразу с нескольких сторон — не набег, атака.

Хравн появился рядом — откуда, Сергей не заметил.

— Лестницы с восточной и северной стороны. — Быстро, на ходу. — Держись рядом.

Они пошли к восточной стене. В темноте — силуэты, крики, кто-то бежит навстречу — свой, с факелом, что-то кричит Хравну. Тот кивает, отвечает, тянет Сергея дальше.

У восточной стены — уже схватка. Несколько чужих воинов перебрались через зубцы, воины гарнизона их сдерживали. Лязг, ругань, кто-то упал. Где-то правее — вспышка оранжевого света, руны. Это Хравн начал работать — не останавливаясь, в движении.

Хравн — прямо в гущу, молча.

Сергей остановился на краю схватки. Двое чужих прорвались мимо — один за Хравном, другой прямо к Сергею. Крупный, в кожаном доспехе с металлическими бляшками, меч уже занесён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.